

Электронный научно-образовательный журнал «История».
2013-2024

ISSN 2079-8784

URL - <http://history.jes.su>

Все права защищены

Выпуск 4 (138) Том 15 - Мир личности в странах Запада: история – политика – культура. 2024

Филипп Генрих Дильтей (1723—1781), первый профессор юридического факультета Московского университета

Томсинов Владимир Алексеевич

МГУ им. М. В. Ломоносова

Российская Федерация, Москва

Аннотация

Статья написана на документальном материале, посвящена жизни и научной деятельности первого профессора юридического факультета Московского университета Ф. Г. Дильтея. В Проекте об учреждении Московского университета, утвержденном императрицей Елизаветой Петровной 12 января 1755 г., был предусмотрен план преподавания наук для всех трех факультетов, в том числе и для юридического. Но очевидно, что практическое осуществление этого плана зависело от преподавателей, которых предстояло найти и привлечь для работы в Московском университете. Обращение к личности Дильтея, к его жизни и научному творчеству позволяет понять, как на самом деле создавался Московский университет, формировался его юридический факультет и действовала на практике университетская система преподавания юридических наук в России. На примере Дильтея в статье показывается, что свободы, которые были предоставлены Московскому университету проектом о его учреждении и которые составляли основу университетской автономии, в действительности соблюдались, преподаватели имели соответствующие правовые гарантии (например, от произвольного увольнения), им создавались все необходимые материальные условия для преподавательской и научной деятельности. Московский университет действительно выступал с самого начала не только как учебное заведение, но и как просветительский центр, и Дильтей вел активную просветительскую работу. Пример Дильтея показывает, что предписанная «Проектом об учреждении Московского университета» программа преподавания юридических наук была на практике серьезно скорректирована. Вместо предусмотренных ею трех

профессоров юриспруденцию преподавал один Дильтей. И уже в 60-е гг. XVIII в. в Московском университете стали разрабатываться проекты университетского устава и новые планы преподавания юридических наук. В статье исправляется ряд ошибок в изложении биографии Ф. Г. Дильтея, которые допускаются его биографами. Например, утверждается, что Дильтей защитил докторскую диссертацию в Венском университете (другие авторы называют местом защиты Страсбургский университет) и что он являлся профессором Венского университета. На самом деле Дильтей защитил не докторскую диссертацию, а диссертацию на соискание высшей ученой степени по обоим правам (*iuris utriusque pro suprema laurea*), и не в Венском, а в Инсбрукском университете. Докторская степень была ему присвоена не за текст этого сочинения (объемом всего в 32 стр.), а по результатам дискуссии по поводу выдвинутых Дильтеем тезисов и по итогам специального экзамена на докторскую степень. На основании рассмотрения множества документов и фактов преподавательской и научной деятельности иностранного преподавателя автор статьи приходит к выводу о том, что Ф. Г. Дильтей в полной мере соответствовал характеру и предназначению Московского университета.

Ключевые слова: Российская империя, XVIII в., Императорский Московский университет, Юридический факультет, русская юриспруденция, Ф. Г. Дильтей

Дата публикации: 15.06.2024

Ссылка для цитирования:

Томсинов В. А. Филипп Генрих Дильтей (1723—1781), первый профессор юридического факультета Московского университета // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2024. – Т. 15. – Выпуск 4 (138).

URL: <https://history.jes.su/s207987840030760-5-1/>. DOI:

10.18254/S207987840030760-5

1

*К 270-летию
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова*

2 Филипп Генрих Дильтей (Philipp Heinrich Dilthey, 1723—1781) был первым профессором-правоведом Московского университета и довольно продолжительное время являлся здесь даже единственным преподавателем юридических наук¹. Он мог читать лекции по всем предметам, преподавание которых было предусмотрено «Проектом об учреждении Московского университета»², причем не только на латыни, но и на французском, итальянском и немецком языках. Позднее им был освоен и русский язык.

3 Прибыв в Россию тридцатитрехлетним, Ф. Г. Дильтей оставался здесь до своей смерти в возрасте пятидесяти восьми лет. Его деятельность в Московском университете, длившаяся четверть века, не ограничивалась чтением лекций университетским студентам. Он выступал с публичными торжественными речами, писал научные и просветительские книги по юриспруденции и мировой истории, сочинял планы учреждения в России новых школ, гимназий, университетов,

разрабатывал проекты преобразования внутреннего устройства университетов и совершенствования системы преподавания юридических наук.

4 Жизнь и деятельность Ф. Г. Дильтея в России, ставшей для него второй родиной, была удивительно богатой событиями. Это живая история начального периода существования Московского университета в целом и его юридического факультета в особенности.

5

* * *

Родился Ф. Г. Дильтей 8 октября 1723 г. в городе Ширштейн (Schierstein)³ округа Рейнгау (Rheingau), который входил тогда в курфюрстство Майнцское — влиятельное духовное княжество в составе Священной Римской империи германской нации, находившееся под управлением архиепископа Майнцкого⁴. Автор первой истории Московского университета С. П. Шевырев отмечал, что некоторые признаки позволяют предполагать в профессоре Дильтее славянское происхождение: «В переписке с Миллером он просил его о присылке чешской грамматики, вновь тогда вышедшей, и скорее, чем другие иностранные профессора, выучился по-русски»⁵. Подтвердить или опровергнуть это предположение невозможно из-за отсутствия достоверных сведений о родителях и предках Филиппа Генриха Дильтея⁶.

6 Изучение юриспруденции Ф. Г. Дильтей начал в университете императора Леопольда I города Инсбрука (Caesaro—Leopoldina Universitas), где в 1748 г. прослушал лекции по курсу «обоих прав», то есть по каноническому и гражданскому (римскому) праву. Затем он в течение года изучал юридические науки в Страсбургском университете и три года в университете Вены. После этого ему была присвоена степень доктора обоих прав (Iuris Utriusque Doctor).

7 Автор первой биографической статьи о Ф. Г. Дильтее, преподаватель юридического факультета императорского Московского университета М. Н. Капустин считал, что в докторскую степень он был возведен Венским университетом. По его словам, Филипп Генрих Дильтей «обучался в Университетах Инсбрукском, Страсбургском и Венском, из которых в последнем получил степень доктора прав в 1753 г.»⁷. В некоторых же работах о Дильтее утверждается, что степень доктора обоих прав ему присвоил Страсбургский университет после защиты здесь докторской диссертации по теме «О завладении имением за давностью» (De usurpationibus et usucapionibus)⁸.

8 На самом деле Ф. Г. Дильтей защитил не докторскую диссертацию, а диссертацию на соискание высшей ученой степени по обоим правам (iuris utriusque pro suprema laurea) в Инсбрукском университете⁹. И докторскую степень он получил именно в этом университете, который в то время назывался Университетом императора Леопольда I. Но основанием для ее присуждения стала не сама по себе диссертация, а успешные ответы Ф. Г. Дильтея на экзамене, к которому он был допущен после защиты указанной диссертации.

9 Термины “De usurpationibus et usucapionibus” присутствовали в названии диссертации, но только как часть всей формулировки темы данного произведения, и смысл их был иной. Перевод этих терминов словами «О завладении имением за давностью» нельзя признать правильным. В сочетании с термином usurpatio

термин *usucapio* означает прерывание течения приобретательской давности. Об этом прямо говорится в начале третьего титула сорок первой книги Дигест Юстиниана: “*Usurpatio est usucapionis interruption*” (D. 41. 3. 2).

¹⁰ Полное название произведения Ф. Г. Дильтея, представленного к защите в Инсбрукский университет, было следующим: “*Dissertatio Inauguralis Polemica, Ex Digestis desumpta in Titulum 3. Lib. 41. De Usurpationibus Et Usucapionibus*”, то есть «Полемическая инаугурационная диссертация о прерывании течения приобретательской давности и приобретении по давности владения, взятом из титула 3 книги 41-ой Дигест». Это была не докторская диссертация, а диссертация на соискание высшей ученой степени по обоим правам.

¹¹ Весь текст диссертации Ф. Г. Дильтея состоял из 32 страниц, а основной — всего из 16 страниц. Соискатель степени должен был в публичном диспуте, в присутствии «многих почтенных, влиятельных, видных и самых знатных людей (*Plurium Reverendorum, Magnificorum, Spectabilium, Clarissimorum Virorum*)», защитить изложенные в диссертации положения из естественного права (*ex jure naturæ*), права народов (*ex jure gentium*), канонического права (*ex jure canonico*), гражданского права (*ex jure civili*) и уголовного права (*ex jure criminale*).

¹² Данные положения не отличались новизной. Так, в разделе *ex jure naturæ* первое утверждение гласило: «Естественное право установлено в непреходящем законе Божьем, который делается известным благодаря свету здравого разума»¹⁰. Оно повторяло вывод из учебного пособия преподавателя теологии и канонического права в Инсбрукском университете Йозефа Биннера «Непреходящий Божий закон, который делается известным благодаря свету разума, — это единственное, что, строго говоря, составляет естественное право»¹¹.

¹³ В разделе *ex jure gentium* Дильтей привел следующее определение: «*Jus gentium* — это свободное соглашение, вводящее посредством молчаливого договора долговременный обычай»¹². Й. Биннер на вопрос «что такое *jus gentium*? (*Quid sit Jus Gentium?*)» давал такой ответ: «Строго говоря, это свободное международное соглашение, вводящее посредством молчаливого договора долговременный обычай»¹³. Подобные совпадения были не случайны: Й. Биннер читал лекции в Инсбрукском университете в то время, когда там обучался Ф. Г. Дильтей.

¹⁴ Текст диссертации Ф. Г. Дильтея был напечатан в августе 1753 г. в типографии Инсбрукского университета. На титульном листе данного издания были указаны не только название темы и место защиты диссертации, но и сведения об авторе, который представил ее к защите. Кандидат на высшую ученую степень по обоим правам (*Juris Utriusque*) именовался Филиппом Генрихом Дильтеем из Ширштейна округа Рейнгау, ассоциатом свободных наук (AA), лицензиатом права (LL) и магистром философии¹⁴.

¹⁵ По приезде в Россию Дильтей представил руководству Московского университета в качестве свидетельства о том, что он имеет ученую степень доктора обоих прав, записку декана судебного факультета Инсбрукского университета Карла Леопольда Пихлера, составленную 22 августа 1753 г. на латинском языке и обозначенную словом *litteris* (документ). Данная записка не

просто удостоверять наличие у Дильтея докторской степени, но описывала, причем довольно эмоционально, в неформальных выражениях, и то, как он ее получил. При этом ее текст был заверен большой печатью судебного факультета Инсбрукского университета и подписью академического нотариуса, что придавало ей юридическую силу официального документа.

¹⁶ Записка Пихлера была сразу же переведена на русский язык и впоследствии хранилась в университетской канцелярии. В 2011 г. ее опубликовал историк Д. Н. Костышин во втором томе составленного им сборника документов по истории Московского университета во второй половине XVIII — начале XIX вв.

¹⁷ Из сведений, указанных на титульном листе «Полемиической инаугурационной диссертации» Ф. Г. Дильтея, видно, что в августе 1753 г. он, претендуя на высшую ученую степень (*pro suprema laurea*) по обоим правам, представил данное свое произведение в Инсбрукский университет. Соискатель степени должен был в публичном диспуте, в присутствии «многих почтенных, влиятельных, видных и самых знатных людей (*Plurium Reverendorum, Magnificorum, Spectabilium, Clarissimorum Virorum*)», защитить изложенные в диссертации положения из естественного права (*ex jure naturæ*), права народов (*ex jure gentium*), канонического права (*ex jure canonico*), гражданского права (*ex jure civili*), уголовного права (*ex jure criminale*)¹⁵.

¹⁸ В своей записке декан судебного факультета Инсбрукского университета сообщил, что «благороднейший и почтеннейший Г[о]с[по]дин Филип Генрик Дилтей, уроженец Шерстенской в уезде Рейнгау, свободных наук и философии магистер», во время защиты диссертации «так совершенно и основательно на предлагаемая ему сильнейшия трудности отвечал, что тотчас на другой день без всякаго предварительнаго опыта к строжайшему самому представлен был экзамену», а на экзамене он «все и самыя труднейшия вопросы с таким опять искусством и твердостью глубокаго учения решил и толь совершенное во всех частях науки о правах превосходство как на письме, так и на речах показал; что казалось, будто бы он, общее состояние ученика превзошед, единственно к сей толку науке рожден и сотворен был». Далее в записке Пихлера сообщалось, что единогласным решением экзаменаторов Ф. Г. Дилтей был признан «гораздо достойнейшим» для возведения на высшую степень чести в юридической науке. И когда, по прошествии некоторого времени, он обратился к руководству Инсбрукского руководства с прошением о присвоении ему докторской степени, то получил положительный ответ. «В присутствии всех Докторов, Профессоров и протчаго знатнейшаго собрания от меня, вышеписанного Декана Судебнаго почтеннейшаго Факултета, тот же благороднейший Г[о]с[по]дин Филип Генрик Дилтей публично и торжественно обоих прав Доктором произведен, поставлен и об[ъ]явлен и, получив докторские знаки и украшения, сверх того пожалован и почтен всеми и каждыми привелегиями, свободами и преимуществами, по праву или по обыкновению других, а особливо Австрийских Университетов, к сему докторскому чину принадлежащими»¹⁶.

¹⁹ Касаясь учебы Ф. Г. Дильтея в университетах, автор первого биографического очерка о нем М. Н. Капустин счел необходимым отметить, что

Филип Генрих «получил степень доктора прав в 1753 г. уже бывши членом Майнцской академии»¹⁷. Действительно, на титульных страницах опубликованных им в России книг он именуется «Филиппом Гериком Дильтеем, обеих прав доктором, Курфиршеской Могунтинской Академии полезных Наук членом»¹⁸. Но Дильтей не мог стать членом данной академии до того, как получил докторскую степень, поскольку она была основана 19 июля 1754 г. На титульном листе «Полемиической инаугурационной диссертации» Ф. Г. Дильтея были перечислены все его ученые звания, но не было указано его членство в Майнцской академии.

²⁰ Курфюрстской (или в русском написании того времени «курфиршеской») эта академия именовалась потому, что ее основателем стал тогдашний архиепископ-курфюрст Майнца¹⁹ и основана она была в курфюрстстве Майнца (Kurfürstentum Mainz), которое на латыни именовалось «Могунтинским электоратом Майнца» (Electoatus Moguntinus). Первоначально Майнцская академия называлась «Курфюрстско-Майнцским обществом» (Churfürstlich-Mayntzische Gesellschaft), а в полном наименовании выступала как «Академия полезных наук» (Academie nützlicher Wissenschaften) или «Могунтинская электоратская академия наук» (Academia Electoralis Moguntina Scientiarum). По некоторым данным, Ф. Г. Дильтей был принят в члены данной академии 24 января 1756 г.²⁰, то есть через три года после присвоения ему степени доктора обеих прав и за семь месяцев до приезда в Россию.

²¹

* * *

Обстоятельства, при которых состоялся переезд Ф. Г. Дильтея в Россию и принятие его на должность профессора Московского университета, описаны в переписке немецкого ученого-энциклопедиста, географа, историка и философа, Антона Фридрих Бюшинга (1724—1793)²¹ и конференц-секретаря Императорской Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге историка и географа Герхарда Фридриха Миллера (1705—1783). Данная переписка была издана в 1995 г. берлинским академическим издательством в серии «Источники и исследования по истории Восточной Европы»²². Имя Филиппа Генриха Дильтея встречается на тридцати девяти страницах этого издания.

²² 26 февраля 1754 г. Г. Ф. Миллер был назначен президентом Академии наук графом К. Г. Разумовским на должность конференц-секретаря. Одной из его обязанностей стало ведение переписки с иностранными учеными, поиск через них специалистов на вакантные места в Академии и организация учебы молодых русских людей в заграничных университетах. Сразу после учреждения Московского университета и двух гимназий куратор И. И. Шувалов обратился в Академию наук с просьбой помочь в поиске подходящих преподавателей для них. Наиболее плодотворное содействие ему в этом оказал конференц-секретарь Академии наук Г. Ф. Миллер. Его стараниями, отмечал историк П. П. Пекарский, в Московский университет были «выписаны из Германии профессора Дильтей, Рейхель, Кельнер»²³.

²³ Одним из иностранных ученых, взявших на себя по просьбе Миллера поиск и переговоры с кандидатами на места университетских преподавателей, был А. Ф. Бюшинг. Эти два ученых состояли в переписке с февраля 1751 г. Познакомились они лично годом ранее: в январе 1750 г. Бюшинг приехал в Санкт-

Петербург и оставался здесь по август месяц. В августе 1754 г. он стал экстраординарным профессором философии в Геттингенском университете и здесь в 1755 г. женился на немецкой поэтессе Поликсене Кристине Августе Дильтей.

²⁴ 1 февраля 1756 г. А. Ф. Бюшинг написал из Геттингена в Санкт-Петербург Г. Ф. Миллеру письмо, в котором сообщил, что недавно встретил в Геттингенском университете знающего человека, от которого, «мимоходом расспросив, узнал, что он, вероятно, принял бы выгодное приглашение в С.-Петербург, если бы такое к нему поступило»²⁴. Далее Бюшинг рассказал подробности: «Дело в том, что здесь проезжал молодой граф фон Кевенхюллер в сопровождении доктора права по имени Дильтей, который много путешествовал и является знатоком католической религии, но ни в коей мере не сектантом, а с другой стороны, отличается честностью. Он через несколько месяцев покидает графа Кевенхюллера и затем снова будет в Вене, ожидая там повышения до профессорского звания. На самом деле он, собственно, юрист, но может также преподавать естественное право и историю. Он также хорошо говорит и пишет на латыни и греческом, владеет французским и итальянским языками в письменной и разговорной речи, понимает также английский и немного славянский, не считая немецкого языка, который для него родной... Несколько лет назад ему предложили должность профессора права в Вене из 24 человек вместе с 3 другими, но в то время он не смог этого принять. Кстати, ему около 34 лет, и он женат. Поскольку он еще не имеет государственной должности и побывал во Франции, Италии и других странах, а также понимает и говорит на стольких языках, я спросил его, не хочет ли он поехать в Петербург? Он ответил, что, если бы его назначили профессором в университет или в кадетский корпус при значительном окладе, он, скорей всего, склонился бы к этому»²⁵.

²⁵ Описывая Миллеру достоинства Дильтея, Бюшинг привел факт, который выставлял молодого правоведа, рекомендуемого на преподавательскую должность в Московском университете, скорее с отрицательной стороны: «Помимо своей инаугурационной речи, он также написал месяц назад от имени молодого графа Кевенхюллера диссертацию о римском правлении, на которую скоро будет опубликована рецензия в здешнем Обзоре (Anzeigen)»²⁶. Получается, что Дильтей участвовал в подлоге: граф Кевенхюллер представил к защите не свою, а чужую диссертацию, написанную в действительности Дильтеем.

²⁶ По жанру это была диссертация публичного права: ее название — «Об избрании римского короля». Далее на титульном листе указывалось в общепринятых для университетских диссертаций того времени выражениях, что ее публичную защиту предпримет «под председательством высочайшего благословенного блистательного юридического факультета с приложенными к ней положениями в благодатном и старинном Эрфуртском университете»²⁷ Франциск Антоний С[вященной] Р[имской] И[мперии] граф фон Кевенхюллер из Айхельберга, Его Священного Императорского и Королевского Величества Камерарий, верховный наследный Шталмейстер Каринтии, а также почетный член Курфюршеской Академии полезных наук, в актовом зале в обычные часы 26 января 1756 года»²⁸. Имя настоящего автора данного произведения Ф. Г. Дильтея не упоминалось ни на титульном листе, ни в его тексте.

27 Рецензия на эту диссертацию, представленную для защиты от имени графа Кевенхюллера, была опубликована под заголовком «Эрфурт» в номере журнала «Геттингенский обзор научных материалов (Göttingische Anzeigen von gelehrten Sachen)», вышедшем 12 февраля 1756 г.²⁹ После названия рецензируемого произведения («Об избрании Римского короля: диссертация по публичному праву, которую публично защитил Франциск Антоний Св. Римск. Имп. граф фон Кевенхюллер из Айхельберга...») давалась его характеристика и далее описывалось краткое содержание. При характеристике было отмечено, что «это добротное написанное академическое полемическое сочинение, которое в прошедшем январе месяце было защищено без посторонней помощи высокородным господином автором, подразделяется на 6 частей, в первой из которых определяется само содержание термина римский император...»³⁰.

28 Завершалась рецензия словами, в которых, непроизвольно или сознательно, выражалось сомнение в том, что эту диссертацию мог написать молодой граф Кевенхюллер. «Высокородный господин автор, — утверждал рецензент, — доказывает этим хорошо написанным сочинением, которое трудно было бы принять за труд юноши 19 лет, как много выдающегося в его более зрелом возрасте может с полным правом ожидать от него Отечество»³¹. Высказанная в адрес молодого графа Кевенхюллера, данная похвала на самом деле относилась к Филиппу Генриху Дильтею.

29 Г. Ф. Миллер не задержал свой ответ на письмо А. Ф. Бюшинга от 2 февраля 1756 г. 20 февраля он сообщил в Геттинген: «Ваше Высокоблагородие Вы так благоприятно представили д-ра Дильтея, что я не мог соблюсти приличия и не показать письмо Вашего Превосходительства госп[одину] камергеру Шувалову, куратору Московского университета»³². В результате Дильтею была предложена должность профессора права и истории в Московском университете с годовым окладом 500 руб. и 150 руб. на проезд. Если он примет это предложение, добавил Миллер, «то, вероятно, сам напишет Его Превосходительству госп[одину] камергеру на французском языке. После этого Его Превосходительство незамедлительно дадут ему контракт на 5 или столько лет, сколько г[осподину] доктору угодно будет, вместе с командировочными деньгами»³³.

30 Любопытно, что ни Миллер, ни Шувалов не обратили никакого внимания на сообщенный Бюшингом факт участия Дильтея в подлоге путем написания диссертации от имени другого человека. У современных историков, занимающихся биографией первого профессора юридического факультета Московского университета, данное обстоятельство вызывает недоумение³⁴. Между тем оно вполне объяснимо, если учитывать особый характер университетских диссертаций и порядок присвоения ученой степени доктора в то время. Основанием для присвоения такой степени еще с эпохи Средних веков в университетах считали не письменное сочинение ее соискателя, отвечающее соответствующим требованиям, как в настоящее время, а способности к научному мышлению, научные дарования, достоинства, проявленные соискателем в процессе устного публичного обсуждения, дискуссии, полемики по поводу тех или иных тезисов, заранее выносимых им на защиту. Текст диссертации рассматривался лишь в качестве формы выражения данных тезисов, то есть имел подсобное значение для дискуссии. Неслучайно латинский термин *disserto*, от

которого произошло слово «диссертация», означал «обсуждать, рассуждать, развивать в форме доклада, обмениваться мнениями». Вышеприведенное свидетельство о присвоении докторской степени (записка декана судебного факультета Инсбрукского университета), которое Ф. Г. Дильтей представил руководству Московского университета, показывает, что основанием для этого стало не представленное им для обсуждения письменное сочинение — «полемиическая диссертация», а успехи, проявленные на экзамене. И именно экзаменаторы вынесли решение о признании его достойным для возведения на высшую ученую степень в юридической науке. По результатам же защиты диссертации он лишь был признан достойным для допуска к экзамену.

³¹ Диссертация, написанная Дильтеем от имени молодого графа фон Кевенхюллера, также сама по себе не давала оснований для присуждения ученой степени. Юноша должен был показать научные способности в процессе устной полемики. Дильтей лишь выполнил за него подготовительную работу к этой процедуре. Содержание этого произведения показывает, что его поступок являлся в значительной мере политическим. Изготовленный Дильтеем текст диссертации «Об избрании Римского короля» был призван обосновать вывод о том, что лучшей кандидатурой для избрания следующим императором Священной Римской империи («Римским королем») выступает сын тогдашнего императора Франца I и императрицы Марии-Терезии эрцгерцог Иосиф (Josephus Archi Dux Austriae)³⁵.

³² 19 мая 1756 г. А. Ф. Бюшинг сообщил Г. Ф. Миллеру: «Как только я имел честь получить приятнейшее письмо от 20 февраля, я написал в Вену господину д[октору] Дильтею и предложил ему должность профессора права и ист[ории] в Московском университете, но я [не знаю], по какому неприятному стечению обстоятельств мое письмо попало ему в руки только 10 мая, чему я очень удивлен... Вчера получил ответ от г-на Дильтея о том, что он хочет принять предложение и намеревается сначала взять на себя обязательства на 5 лет. Он передал свое письмо господину графу фон Шувалову через Его Превосходительство министра Российской империи в Вене и в этом письме к высокочтимому господину камергеру просит об увеличении суммы дорожных денег, поскольку 150 рублей на такое далекое путешествие из Вены в Санкт-Петербург и оттуда до Москвы недостаточно. Его личность и манеры очень приятны из-за совершенных им чрезвычайно обширных путешествий. Так что я не сомневаюсь, что он понравится»³⁶. Когда дело дошло до заключения контракта, Дильтей проявил осторожность и взял на себя обязательства профессора Московского университета лишь на три года с возможностью продления.

25 августа 1756 г. Ф. Г. Дильтей прибыл в Санкт-Петербург. Так начался новый, российский, период его жизни. 27 августа Г. Ф. Миллер сообщил А. Ф. Бюшингу: «Г[осподин] профессор Дильтей приехал два дня назад и был у меня вчера. Вам, Ваша Честь, всегда будут благодарны за эту рекомендацию такого славного и элегантного человека (so artigen u[nd] geschickten Mannes). Если, как полагают, завтра господин камергер Шувалов, пребывающий со Двором в Царском Селе, вернется, то я не премину в самое ближайшее время представить

г[осподина] профессора Его Превосходительству. Мне было приятно узнать, что он родственник Вашей супруги»³⁷.

³⁴ Очевидно, что о родственной связи Ф. Г. Дильтея и супруги Антона Фридриха Бюшинга Поликсены Кристины Августы, урожденной Дильтей, Миллер узнал от самого Филиппа Генриха. Этот факт многое объясняет в той большой заинтересованности, которую Бюшинг проявил при устройстве Дильтея в Московский университет. Она выразилась прежде всего в обильных похвалах, которые Бюшинг расточал в адрес Дильтея. Многие из того, что Бюшинг писал в Санкт-Петербург Миллеру о Дильтее, предполагало совсем не краткое и не поверхностное с ним знакомство. О том, что Дильтею предлагали должность профессора права в Вене и он не смог, по личным обстоятельствам, ее принять, Бюшинг, скорей всего, придумал, чтобы придать своему родственнику большую цену как преподавателю. Во время пребывания в Московском университете Дильтей не проявил на преподавательском поприще особых талантов: студенты нередко отказывались посещать его занятия.

³⁵ В письме к Миллеру от 1 февраля 1756 г. Бюшинг представил Дильтея настоящим полиглотом, отметив, что молодой доктор права владеет в письменной и разговорной речи немецким, французским и итальянским языками, понимает английский и немного славенский, а также хорошо говорит и пишет на латыни и греческом. Оказавшись в Московском университете, Дильтей обнаружил недостаточное знание греческого языка, а лекции он чаще читал на французском языке и на нем же писал письма, хотя, по утверждению Бюшинга, его родным языком был немецкий.

³⁶ В правдивости отзывов Бюшинга о достоинствах Ф. Г. Дильтея сомневался еще его первый биограф М. Н. Капустин, но он ошибался, считая первого профессора юридического факультета Московского университета двоюродным братом А. Ф. Бюшинга³⁸.

³⁷ В Москву Ф. Г. Дильтей прибыл 28 сентября 1756 г. В 46-м номере «Московских ведомостей», напечатанном во вторник 1 октября 1756 г., сообщалось на последней странице: «В прошедшую субботу, то есть прошедшего месяца 28 числа, прибыли в здешний университет натуральной юриспруденции профессор Дильтей; да магистр Отенталь».

³⁸ Поселился Филипп Генрих сначала в доме директора Московского университета Алексея Михайловича Аргамакова. По договору ему было назначено от Московского университета, как и другим профессорам, помимо годового жалованья в размере 500 рублей, 150 рублей на переезд семьи³⁹. Позднее сумма проездных денег была для него увеличена до 200 рублей.

³⁹ 19 октября 1756 г. на заседании Конференции (Ученого совета) Московского университета, состоявшей тогда из трех профессоров — Ф. Г. Дильтея, Н. Н. Поповского, И. Г. Фроммана, заседавших под председательством директора университета⁴⁰, было решено, что профессор Дильтей будет читать лекции по естественному праву и истории с двух до четырех часов по полудни четыре раза в неделю⁴¹. «Проектом об учреждении Московского университета» был предусмотрен «профессор истории для показания истории

универсальной и российской, а также древности и геральдики»⁴². Эту должность и занял Ф. Г. Дильтей в дополнение к установленной в «Проекте» должности профессора всей юриспруденции для преподавания естественного и народного права, а также узаконений римской древней и новой империи».

⁴⁰ 31 октября 1756 г. Дильтей выступил с речью «О нужде и пользе права» в торжественном собрании Императорского Московского университета. Куратор университета И. И. Шувалов пригласил на это выступление многих знатных жителей Москвы. В приглашении отмечалось, что профессор из Вены, «будучи призван к сей должности, заблагорассудил, что он не бесполезно учинит, если о нужде и пользе права, перстом Божиим во всех сердцах написанного и чрез справедливое суждение всему роду человеческому объявленного, речь свою предполагать будет»⁴³.

⁴¹ 1 ноября 1756 г. Ф. Г. Дильтей начал чтение лекций в Московском университете по юридическим наукам. В изданном 5 ноября 1756 г. 56-ом номере «Московских ведомостей» в разделе «В Москве ноября 5 дня» было напечатано следующее объявление: «Чрез сие объявляется, что университетский профессор и юриспруденции доктор господин Дильтей будет иметь private лекции о праве натуральном на французском языке, которые он начнет в будущий понедельник, то есть сего ноября 11 числа в 5 часов после полудни, а весь курс окончит в полгода. И желающие оными лекциями пользоваться могут онаго профессора сыскать в доме его высокородия Директора университетского близ университета».

⁴² 17 декабря 1756 г. Дильтей провел в честь дня рождения императрицы Елизаветы Петровны публичный диспут на латинском языке по праву естественному. На обсуждение студентов было вынесено 16 тезисов, заранее напечатанных в университетской типографии⁴⁴. Подобные диспуты были предусмотрены 14-м параграфом «Проекта об учреждении Московского университета», в котором предписывалось: «Пред наступлением каждой вакансии иметь публичные диспуты, приглася ко оным всех любителей наук; притом одному из студентов до начатия диспутов, говорить краткую латинскую, а другому по окончании оных на русском языке речь, выбрав к тому удобную материю»⁴⁵. По словам М. Н. Капустина, «Дильтей особенно любил публичные диспуты между студентами: назначались два студента, защищавшие тезисы, предложенные профессором, и четыре, возражавшие против них»⁴⁶.

⁴³ Первый из тезисов, вынесенных на обсуждение, формулировал методологический принцип изучения естественного права: «Чтобы иметь идею о праве естественном, то должно наперед учинить точное описание, что есть право? Что естество? Что напоследок естественное право».

⁴⁴ Второй же тезис гласил: «Право естественное есть непременная воля божия, силою здравого разума человеку объявленная». Он воспроизводил смысл первого положения из раздела о естественном праве в диссертации Ф. Г. Дильтея, защищенной в 1753 г. («Естественное право установлено в непремennom законе Божьем, который делается известным благодаря свету здравого разума»).

⁴⁵ В третьем тезисе опровергалось описание естественного права, данное в Дигестах Юстиниана, «будто право естественное есть то, которому естество всех

животных научило». В четвертом тезисе утверждалось, что право естественное есть «непременное и необходимое, и обязывает нас гораздо пространнее, нежели все права гражданские [положительные]».

⁴⁶ 6 марта 1757 г. состоялся еще один публичный диспут по естественному праву под руководством профессора Дильтея. И в этот раз его тезисы были предварительно напечатаны в университетской типографии⁴⁷. Впоследствии подобные диспуты Дильтей будет проводить и по вексельному праву.

⁴⁷ Между тем лекции по естественному праву, которые Дильтей читал студентам Московского университета по сочинениям Пуффендорфа и Неттельבלата, не пользовались у них популярностью. Нередко бывало, что они отказывались их посещать.

⁴⁸ Из каталога лекций на вторую половину 1757 г. видно, что спустя год после приезда в Москву Дильтей читал лекции не только университетским студентам, но и частные лекции всем желающим. В данном каталоге объявлялось: «По утрам по понедельникам, вторникам, четвергам и пятницам. 9 и 10 часы: Филипп Генрик Дильтей прав и истории ординарный профессор и обеих гимназий инспектор толковать будет естественные и народные права Пуффендорфиевы. Ежели кто пожелает приватные лекции выслушать о правах гражданских римских, о праве февдальном, криминальном или о праве публичном Римской империи; тех на латинском или французском, или итальянском, или немецком языке удовольствоваться обещается»⁴⁸.

⁴⁹ Как ни странно, «приватные» лекции Дильтея, читавшиеся им за плату, были более интересными и посещаемыми. Он просил за такие лекции довольно солидную по тем временам плату — 12 рублей за лекционный час. В 1760 г. ему удалось на деньги, заработанные частными, платными лекциями и уроками, приобрести за 1 500 рублей собственный двухэтажный дом на Козьем болоте (в настоящее время Патриаршие пруды). Из этого факта можно сделать вывод о том, что его «приватные» лекции имели немалый успех среди московской публики.

⁵⁰

* * *

26 апреля 1757 г. профессор Дильтей произнес на латинском языке в университетской аудитории речь под названием «Панегирик о прерогативах и правах от торжественного коронования происходящих в высочайших день коронации Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Елисавет Петровны, самодержицы Всероссийской». В том же году текст этой речи был издан двумя отдельными брошюрами: на латинском⁴⁹ и русском языках. На титульном листе этих изданий назывались все звания «Филиппа Генрика Дильтея». Он представлялся «обеих прав доктором, Курфиршеской Могунтинской Академии полезных Наук членом, прав и истории профессором, и обеих Московских гимназий инспектором».

⁵¹ Текст данного выступления небольшой по объему, охватывающий всего 18 страниц, но по содержанию очень емкий. Профессор Дильтей выразил в нем свое понимание верховной государственной власти, ее взаимоотношений с законом и обществом.

52 Феномен власти был представлен им в качестве неотъемлемого атрибута человеческого общества. «Что род человеческий никакой сначала не имел власти и что все пользовались совершенною свободою, мне то как баснословно, так и святому писанию противно кажется»⁵⁰ — категорично заявил он. При этом Дильтей посмотрел на этот феномен главным образом с юридической точки зрения. Он раскритиковал в своей речи доктрину французского правоведа XVI в. Жана Бодена, согласно которой «величество [то есть суверенитет. — В. Т.] есть власть над подданными высочайшая, всегдашняя и от законов свободная», указав, что в Бодиниевом произведении много погрешностей и первое из них заключается в утверждении, что «величество есть власть». Дильтей упрекнул Бодена в том, что он не отличает власть от ее носителя. «Величество, — заметил он, — к сиянию высочайшего владения надлежит, так что оным право некое, важность и слава государства или в государстве, никому не подчиненном самое высочайшее место имеющего, изображается. А власть до могущества делания надлежит, следовательно, и подлого и высочайшего состояния людям сообщается»⁵¹. Признав, что величество делает власть над гражданами и подданными высочайшей и всегдашней, Дильтей назвал ложным мнение о том, что «величество делает власть от законов свободную», и сказал, что может доказать это Плиниевыми словами: добрый государь... не выше законов, но законы выше доброго государя, и знак доброго государя есть тот, чтобы жить по законам»⁵².

53 Остановившись на этом высказывании древнеримского писателя Плиния Младшего, Дильтей заметил, что его «не просто, но с рассуждением принимать должно. Ибо не сей есть Плиниев разум, что государи своим законам ради подданных установленным равно повиноваться должны, как и подданные. Но понимает он, что законам Божественным, как естественным, так и откровенным, не меньше повиноваться одалживаются государи, как и их подданные». Не мог же Плиний не понимать, считал Дильтей, что некому государей, никого выше себя не имеющих, принудить к соблюдению законов. «Кто им прикажет? Кто к хранению законов принудить дерзнет, когда они на земли вышшей над собою никакой не имеют власти?»⁵³.

54 Юридический взгляд на государственную власть Дильтей проявил и в своей трактовке коронации. Он представил ее в «Панегирике о прерогативах и правах...» не просто праздником, но торжественной церемонией, «из которой происходит как бы первое преимущество — полнейшее право величия»⁵⁴.

55

* * *

На заседании Конференции университета, которое состоялось 24 февраля 1757 г., было объявлено о назначении профессора Дильтея приказом куратора Шувалова инспектором университетской гимназии⁵⁵ с прибавкой ста рублей к жалованью. Пробыл он на этой должности недолго, но успел отличиться небрежностью при исполнении инспекторских функций. Осенью 1758 г. Ф. Г. Дильтея заменил на этом посту Н. Н. Поповский⁵⁶. В ноябре того же года должность инспектора гимназии снова освободилась, и после отказа профессоров Фроммана и Керштенса занять ее, инспекторство было опять предложено Дильтею, однако он ответил отказом. В 1761 г. профессору Дильтею пришлось все же исполнять должность инспектора гимназии, о чем свидетельствует «Ордер куратора Ф. П. Веселовского в канцелярию о переходе инспекторской должности

от профессора Дильтея к профессору Фромману», датированный 14 декабря 1761 г.⁵⁷

⁵⁶ Взаимоотношения Дильтея с коллегами и руководством Московского университета в первые два года его пребывания в Москве были вполне доброжелательными. В декабре 1756 г. Филипп Генрих писал своему покровителю Г. Ф. Миллеру в Санкт-Петербург: «В Вашем последнем письме вы меня спрашивали, хорошо ли я лажу с моими коллегами. Имею честь ответить Вам, что я стараюсь вести себя так, чтобы меня не в чем было упрекнуть. Что касается меня, то я их всех люблю и уважаю. Между нами не возникает никаких недоразумений. Если они придерживаются того же самого мнения, то мы можем взаимно поздравить друг друга с искренней дружбой»⁵⁸.

⁵⁷ В августе 1758 г. при составлении каталога лекций в Московском университете на 1758/1759 учебный год между Н. Н. Поповским и Ф. Г. Дильтеем возник спор о том, в каком порядке следует расположить в каталоге фамилии лекторов. Профессор Поповский начал читать лекции в университете почти на год и четыре месяца раньше Дильтея и на этом основании требовал, чтобы именно его назвали первым. Дильтей же полагал, что фамилии профессоров должны располагаться по факультетам и в таком случае именно он должен быть первым, поскольку в каталогах лекций, читавшихся в западноевропейских университетах, имена профессоров юридических факультетов ставились всегда выше профессоров медицинского и философского факультетов⁵⁹. 22 августа 1758 г. Конференция Московского университета постановила: «Так как между господами профессорами произошло маленькое пререкание по поводу того, чье имя должно стоять первым в каталоге лекций, то Конференция рассудила определить им места по факультетам»⁶⁰.

⁵⁸ В 1759 г., истекал срок договора профессора Дильтея с Московским университетом. Не решив еще, надо ли его продлевать, Филипп Генрих счел благорассудным получить на всякий случай документ, удостоверяющий его безупречную преподавательскую деятельность на должности профессора Московского университета. На заседании университетской Конференции, состоявшемся 2 сентября 1758 г., была оглашена просьба Дильтея выдать ему аттестат от Конференции о его «службе, поведении и нравственности». Все члены Конференции дали согласие, за исключением профессора Н. Н. Поповского, который заявил, что «не имеет ничего возразить против его поведения или нравственности, но не дает своей подписи под тем, что относится до его служебной деятельности, против которой протестовал и прежде»⁶¹.

⁵⁹ По всей видимости, и весной следующего года Дильтей еще не принял твердого решения о продолжении своей работы в Московском университете. А. Ф. Бюшинг в письме Г. Ф. Миллеру от 18 апреля 1759 г. спрашивал: «Каково отношение г[осподина] профессора Дильтея к Москве? Останется он там дольше?»⁶².

⁶⁰ После довольно продолжительных колебаний Филипп Генрих принял решение продлить контракт на пять лет — до начала ноября 1764 г.

⁶¹ Новый период жизни профессора Дильтея в Москве оказался весьма тяжелым для него. Он оказался в конфликте сразу с несколькими преподавателями и одновременно с руководством Московского университета. И самое главное — большая часть конфликтных ситуаций возникала по его вине.

⁶² А. Ф. Бюшинг, регулярно получавший от Г. Ф. Миллера известия о Дильтее, с огорчением воспринимал скандалы, которые стали постоянно окутывать его родственника. 26 августа 1759 г. геттингенский профессор сообщил Миллеру: «К г[осподину] проф. Дильтею я напишу, когда г[осподин] Шмидт уедет. То, что у него есть недостатки, мне неприятно»⁶³.

⁶³ Осенью 1761 г. на нескольких заседаниях Конференции рассматривался вопрос о ссоре профессора Дильтея с преподавателем французского языка в университетской гимназии господином Буайе де Роке. Виновными в возникновении этого конфликта были обе стороны, однако предание огласке конкретных его обстоятельств в большей степени ударило по нравственной репутации Дильтея. Будучи инспектором университетской гимназии, Дильтей постоянно писал на преподавателя Буайе де Роке доношения руководству Московского университета. В свою очередь Буайе де Роке, считая их ложными, обращался с жалобами на Дильтея в Конференцию. В конце концов Дильтей отреагировал на очередную жалобу француза весьма своеобразно: будучи пьяным, он увидел однажды Буайе де Роке в университетской харчевне и набросился на него, схватив за ворот⁶⁴. Тогда пострадавший написал новую жалобу на Дильтея, используя при этом «непочтительные выражения». Куратор Веселовский объявил французу за эти выражения выговор. Но и поведение Дильтея было Конференцией признано неподобающим званию профессора. В ответ Дильтей написал жалобу на Буайе де Роке, в которой вместо того, чтобы опровергнуть возведенные на него обвинения, напал «в грубых и оскорбительных выражениях на противную сторону» и обвинил членов Конференции «в пристрастности и вероломстве»⁶⁵. Конференция направила дело Ф. Г. Дильтея куратору университета. Тот нашел Дильтея неправым, освободил его от должности инспектора гимназии и принудил извиниться перед всеми членами Конференции в несправедливо нанесенном им в его заявлении оскорблении и отказаться от всякого преследования Буайе де Роке⁶⁶.

⁶⁴ Все это предвещало для профессора Дильтея большие проблемы в 1764 г., когда истекал очередной срок его контракта с Московским университетом. Но первая половина указанного года прошла для него спокойно. Ф. Г. Дильтей составил в это время довольно обширный по объему «План об учреждении разных училищ для распространения наук и исправления нравов», показав себя деятелем, заботящимся о просвещении русского народа.

⁶⁵ В этом плане он предложил, во-первых, учредить две публичные школы — в Москве и Санкт-Петербурге — с пятилетним сроком обучения детей грамматике, арифметике, истории, географии, а также русскому и иностранным языкам. Преподавание этих предметов Дильтей предполагал сочетать с воспитанием, что означало, в его понимании, обучение тому, «как дети себя вести при одевании, при столе и в обхождении с людьми должны, что и как надобно говорить, что Богу, что

Отечеству, что ближнему отдавать должны, что правила нравов или повелевают, или запрещают»⁶⁷.

⁶⁶ Во-вторых, Дильтей представил проект организации в России целой сети так называемых «тривиальных школ», предназначенных для подготовки детей с 6 лет до 8—10-летнего возраста к гимназическому обучению. В этих школах, по его предложению, детей должны были обучать «первым основаниям, как языков, так и наук», а также «как почитать родителей, как говорить с иностранными, как стоять, ходить, сидеть по правилам нравов должны, как пищу и питье употреблять надлежит, какие телодвижения благопристойные и какие не благопристойные бывают, как и когда дозволено смеяться, какие слова говорить, и когда молчать должно»⁶⁸.

⁶⁷ В-третьих, Дильтей предложил учредить гимназии, кроме Москвы и Казани, также в Смоленске, Батурине, Воронеже, Тобольске, Астрахани, Оренбурге и в Дербате⁶⁹.

⁶⁸ В-четвертых, Дильтей считал необходимым иметь в России «для большего распространения наук и художеств» еще два университета, кроме Московского. «Из которых, — отмечал он, — один может быть в Батурине в Малороссии, другой в Дербате в Ливонии»⁷⁰. Под университетом Дильтей понимал учебное заведение, в котором преподаются все виды наук, хотя при этом признавал необходимость иметь университетам определенную автономию в управлении, формировании состава преподавателей, в юрисдикции и так далее. «Во всяком университете, — утверждал он, — надлежало бы быть четырем факультетам, а именно: факультет философической, медицинской, юридической и богословской»⁷¹.

⁶⁹ Для каждого факультета Дильтей предусмотрел в своем плане особую систему преподавания наук, которая повторяла для философского, юридического и медицинского факультетов программу, предписанную «Проектом об учреждении Московского университета», но одновременно содержала и нововведения. Для обучения на юридическом факультете им отводилось три года и предусматривалось три профессора. По его словам, «один из сих профессоров толковать будет право естественное и народное купно с узаконениями права римского, которому всегда историю права предполагать должно. Другой будет преподавать право российское, где право вексельного устава, артикулы и уложение изъясняться будет. Третьей предложит право каноническое, как католиков, так протестантов; а особливо каноническое церкви Греко российской и право общее всех в Европе владеющих государей, особливо ж право общее российское, которое в себе право посольства и право союзов содержать будет. Где всем профессорам должно будет право российское в форму и систему приводить, что дабы с пользою быть могло, то все законы российские профессорам обучающим сообщаться должны»⁷². Существенным нововведением в этом проекте программы обучения на юридическом факультете было преподавание канонического права, которое очевидно мыслилось Дильтеем светской юридической, а не богословской наукой.

⁷⁰ 1 марта 1764 г. Конференция Московского университета поручила профессору Дильтею разработать вопрос о способах преподавания российской юриспруденции⁷³. 20 марта 1764 г. Филипп Генрих передал Конференции свою

записку (memoir) по этому вопросу. В ней говорилось, в частности, что «изучение права (stadium juridicum) предполагает уже законченное гуманитарное и философское образование» и поэтому, «если кандидаты на обучение юриспруденции в университете будут присылаться без твердого знания этих наук, они не могут быть выпущены из университета иначе, чем по прошествии десяти или двенадцати лет»⁷⁴. Если же этой науке будут обучаться студенты, подготовленные к ней благодаря окончанию курса гуманитарных наук и философии, и «если появятся в университете профессора права, определенные и назначенные в силу § 5 первого Проекта университета»⁷⁵, то курс юриспруденции может быть завершен в три года»⁷⁶. При отсутствии же упомянутых профессоров курс обучения юридическим наукам мог быть завершен, по мнению Дильтея, лишь в пять лет, «в особенности при наличии в Московском университете одного лишь профессора права, да и то только при условии, что однажды определенные к этому занятию никоим образом от него отвлекаться не будут»⁷⁷. В этом случае, то есть при наличии единственного профессора права, программа преподавания юридических наук в Московском университете должна была иметь, согласно записке Дильтея, следующий вид: «1) Всеобщее или естественное право и право народное, как основа и фундамент всех прав, изучается прежде всего... 2) Далее должны следовать установления Римского права... Здесь к каждой главе должно присовокуплять Российские законы, которые либо согласуются с Римским правом, либо ему противоречат. 3) Право уголовное и право вексельное, в обоих также всюду следует присоединять соответствующие Российские законы. 4) Право Российское, таким образом обращенное в законоведение. 5) Государственное право»⁷⁸.

⁷¹ Ф. Г. Дильтей брался обеспечить в одиночку преподавание всех вышеперечисленных наук на юридическом факультете Московского университета и в том числе русского права при условии, если, во-первых, ему от университета будут «сообщены все русские законы», а во-вторых, дадут ему «двух студентов, которые уже занимались правом, для чтения русских законов и расположения их по порядку»⁷⁹.

⁷² Представленный Дильтеем план преподавания наук на юридическом факультете не был введен в действие. В ответе Конференции Московского университета на запрос из Правительствующего Сената по делу профессора Дильтея, данном 12 октября 1765 г., говорилось о том, что Конференция по многим причинам этого плана «не апробовала» и потому он, не надписанный Дильтеем ни к кому и им не подписанный и числом дня не означенный, «остался без действия»⁸⁰. В результате программа преподавания наук на юридическом факультете оставалась неизменной еще несколько лет — вплоть до появления в Московском университете русских профессоров юриспруденции.

Пока Дильтей составлял планы по развитию в России народного образования и по реформе системы преподавания юридических наук в Московском университете, назначенный императрицей Екатериной II 21 октября 1762 г. новым куратором Московского университета Василий Евдокимович Адодуров предпринимал меры для удаления его из университета. Стремясь заручиться поддержкой влиятельного конференц-секретаря Академии наук Г. Ф. Миллера,

Адогуров 12 февраля обратился к нему с письмом, в котором сообщил о своем намерении заменить Дильтея другим профессором. «А как н[ы]не его контракт уже кончился, то б я желал на его место для юриспруденции иметь другого способного профессора», — писал он Миллеру. Не предлагая своей кандидатуры на замену Дильтея, Адогуров просил указать на нее конференц-секретаря: «Вы Г[о]с[у]д[а]рь мой зделаете мне чувствительное одолжение, ежели на его место можете ково рекомендовать, или покажете способ откуда такого выписать. Я столько на в[а]шу ко мне бл[а]госклонность надежен, что ласкаю себя неукоснительно о том и уведомление от вас получить»⁸¹.

⁷⁴ После этого письма куратор Московского университета еще дважды писал конференц-секретарю Академии наук (19 февраля и 8 марта), прежде чем получил ответ: Миллер согласился с необходимостью удалить Дильтея из Московского университета путем отказа ему в продлении контракта на следующий срок и рекомендовал вместо него Карла Генриха Лангера, уроженца Нижней Силезии, работавшего в Санкт-Петербурге в качестве домашнего учителя в одной из аристократических семей. Он вообще не имел ученых степеней (даже бакалавра), то есть скорей всего так и не получил полноценного юридического образования. По собственному рассказу Лангера в Конференции Московского университета при обсуждении его кандидатуры на должность профессора права, «он занимался науками в Гейдельберге и Иене, затем предпринял некоторые путешествия, а в 1759 году принял приглашение в Петербург обучать там одного молодого человека наукам»⁸². Никаких публикаций и каких-либо документов, подтверждающих научный уровень, Лангер не представил.

⁷⁵ Не познакомившись с кандидатом на место профессора Дильтея, ничего не зная о его образовании и способностях, куратор Адогуров уже 15 июля 1764 г. сообщил Миллеру, что принял господина Лангера в университет, «сделав охотно, как профессора юриспруденции с жалованьем в год по пятисот рублей»⁸³. Единственным основанием этого решения была рекомендация Миллера.

⁷⁶ Перед этим 30 июня профессор Дильтей выступил в торжественном собрании Московского университета с панегириком в честь Екатерины II, «Августейшей Могущественнейшей Справедливейшей Повелительнице Госпоже Екатерине II, Императрице и Самодержице Всероссийской и так далее», на тему «Рассуждения об основательных различиях истинной и подлинной юриспруденции от фальшивой и ложной (*Disserens de vera ac genvina jurisprudential a falsa ac spuria merito distinguenda*)»⁸⁴.

⁷⁷ 6 и 9 июля в газете «Московские ведомости» было дважды напечатано объявление о годовом курсе частных лекций Ф. Г. Дильтея по естественному праву. Оно гласило: «Обретающийся при Императорском Московском Университете юриспруденции доктор и профессор господин Дилтей объявляет через сие, что он намерен, зачиная сего июля с 17 числа, по средам и субботам от 2 до 4 часов по полудни, безденежно преподавать частные лекции на французском языке о натуральном праве, яко главном основании всех в свете прав, со окончанием целого курса через год. Желаящие оными лекциями пользоваться, явиться могут в дом реченного господина профессора, состоящем на Козьем болоте в приходе церкви Спиридона Чудотворца».

78 Как видим, private лекции Дильтей намеревался читать для всех желающих в своем доме и не взимая за них платы. Казалось бы, ничего плохого с ним не произойдет. Однако 20 июля и 3 августа 1764 г. в «Московских ведомостях» и снова дважды было опубликовано следующее сообщение: «Находившийся при Императорском Московском Университете обоих прав доктор и оных же так как и истории профессор господин Дилтей от Университета уволен, и намерен отселе ехать, о чем как для имеющих до него какие требования, так и для желающих на место его в службу при Университете вступить искусных в юриспруденции людей, чрез сие объявляется, дабы оные немедленно в реченном Университете явились».

79 Документы свидетельствуют, что куратор Московского университета В. Е. Адодуров отставил Ф. Г. Дильтея от должности профессора университета за то, что он, «не стараясь о пользе университета и учащихся, употреблял все рачение к одному своему прибытку, и в своих лекциях також и в смотреии за пенсионерами против ево обязательства оказался нерадив, студенты же и к слушанию ево лекций никакого желания не оказывали и ходить на оные не хотели»⁸⁵.

80 Поставленный же куратором Адодуровым на место Дильтея Карл Генрих Лангер в августе 1764 г. «прочитал публично в присутствии его превосходительства г. куратора и всех профессоров и студентов пробные лекции на данные ему за несколько дней темы из естественного и гражданского права, и Конференция, одоббив их, при г. кураторе вынесла решение, что г. проф. Лангер способен исправлять должность профессора права при университете»⁸⁶ и рекомендовала заключить с ним контракт на три года с годовым жалованьем в 500 рублей, то есть университетская Конференция фактически лишь подтвердила решение куратора Адодурова.

81

* * *

Между тем увольнение Ф. Г. Дильтея из Московского университета вылилось в большое дело, которое более года разбиралось в Правительствующем Сенате⁸⁷. Он сначала пытался разрешить данный конфликт в Москве, в университетской канцелярии, но ничего хорошего для себя не добился. Тогда Дильтей отправился в Санкт-Петербург и через статс-секретаря государыни Г. Н. Теплова подал жалобу на Московский университет самой императрице Екатерине II.

82 20 января 1765 г. в Московский университет поступил сенатский указ с требованием немедленно передать в Правительствующий Сенат все имевшиеся в университетской канцелярии документы по делу об увольнении Ф. Г. Дильтея. В данном акте говорилось, что именным указом от 13 декабря 1764 г., собственноручно подписанным Ее Императорским Величеством «на экстракт из челобитья профессора юриспруденции Филиппа Дильтея», высочайше повелено рассмотреть его претензии в Сенате.

83 В своей челобитной Дильтей жаловался, что его уволили необоснованно, что ему более года не давали в университете студентов для обучения юриспруденции, что университетская канцелярия не выплачивала ему положенного жалованья. При этом он приложил к тексту челобитной список

«убытков», которые были им понесены вследствие увольнения из Московского университета. Дильтей указал на потерю частных уроков, покупку экипажа для поездки в Санкт-Петербург, расходы на свое содержание там во время судебного процесса и содержание семьи, оставшейся в Москве и тому подобное. Общая сумма, которую он требовал взыскать в его пользу с Московского университета, составляла 5 000 рублей и была равна его жалованью в университете за десять лет.

⁸⁴ 5 октября 1765 г. в Конференцию Московского университета поступил из Сената новый запрос по делу Ф. Г. Дильтея. Конференции предлагалось «немедленно и конечно сего ж числа подписать: профессор Филипп Дильтей по званию своему во обучении наук в прилежности ль находился и не было ль от него, что ему для обучения определенных учеников не дают, каких в тое Конференцию представлений, и буде были, то оные приложить при сем»⁸⁸.

⁸⁵ В ответе, направленном Конференцией в Сенат на следующий день, говорилось, что «о прилежности г. профессора Дильтея Конференция ничего сказать не может, потому что до сего времени не употребительно было в университете подавать в Конференцию репорты⁸⁹, из которых бы о бытности или небытности, а тем меньше о прилежности учащих рассуждать можно было... От г. профессора Дильтея в оную Конференцию, что ему для обучения определенных учеников не дают, никаких представлений не было и не имеется»⁹⁰.

⁸⁶ Спустя пять дней, 11 октября 1765 г., Конференция Московского университета получила еще один запрос из Сената: «было ль от профессора Дильтея во оную, что ему студентов для слушания ево лекций не дано, какое представление, и буде было, сообщить при сем точную копию»⁹¹. Конференция снова дала отрицательный ответ на этот вопрос. Указав, что «ни в протоколе, ни между прочими письмами университетскими совсем не находится никаких представлений от г. профессора Дильтея» о том, будто ему не давали студентов для слушания его лекций⁹².

⁸⁷ 28 октября 1765 г. в Конференцию опять поступил запрос из Сената относительно профессора Дильтея. Сенат интересовался, в частности, какое количество студентов имел Дильтей в бытность свою при Московском университете, и кто именно были его слушатели. Конференция не смогла в полной мере ответить на этот вопрос, поскольку никаких ведомостей с именами студентов, учившихся на юридическом факультете, не обнаружила, и сообщила: «Профессорскому собранию известно, что в 1763 году к нему были определены пятеро студентов, а именно: Родион Гвоздиковский, Илья Грачевский, Иван Доброхотов, Иван Теплов и Илья Федоров»⁹³. Из этих студентов двое — Гвоздиковский и названный Федоровым Илья Федорович Яковлев — были в 1767 г. взяты на работу в Комиссию по составлению нового уложения. Илья Грачевский стал учителем подведомственной Московскому университету Казанской гимназии. Доброхотов и Теплов не смогли закончить университет, и были отчислены⁹⁴.

⁸⁸ Разбирательство по делу Ф. Г. Дильтея продолжалось полтора года. 9 марта 1766 г. его жалоба была высочайшим указом признана подлежащей удовлетворению на том основании, что университетская канцелярия не

предупредила его, как это было предусмотрено в заключенном с ним контракте, за три месяца об увольнении от службы. Куратору Адодурову было повелено принять Дильтея в службу, «заключая с ним вновь контракт» и «дать ему студентов для обучения юриспруденции»⁹⁵.

⁸⁹ 21 марта 1766 г. куратор Адодуров сообщил М. М. Хераскову: «Высокоблагородный господин Императорского Московского университета директор! Ее императорское величество имянным за подписанием собственныя е. в. в руки высочайшим Указом марта от 9 числа по известной жалобе профессора юриспруденции Дильтея высочайше повелеть мне соизволила принять его в службу, заключа с ним вновь контракт с прибавлением жалованья против протчих сверстников его, ежели им прибавлено»⁹⁶.

⁹⁰

* * *

12 апреля 1766 г. В. Е. Адодуров объявил Конференции университета, что заключил с профессором Дильтеем контракт «о предоставлении ему должности профессора гражданского права и представил подписанный им экземпляр упомянутого контракта, приказав при этом, чтоб ему дали требуемых студентов и назначили для ординарных публичных лекций по праву часы от 4 до 6 пополудни»⁹⁷.

⁹¹ В соответствии с данным контрактом Дильтей принимался в службу с 9 марта 1766 г. сроком на три года с жалованьем в год по 700 рублей.

⁹² В первой статье контракта говорилось: «Обязуется помянутой проф. Дильтей при имп. Московском университете в определенные ординарным профессорам дни и часы со всякою верностию и прилежанием обучать публично всеобщему положительному праву во всех оногю частях, купно с историено о праве гражданском, а особливо римском»⁹⁸.

⁹³ Второй пункт контракта Московского университета с Ф. Г. Дильтеем гласил: «За основание своих лекций имеет он положить назначенную к тому в силе апробированного о университете проекта 8 пункта куратором и профессорским собранием Неттельблаттову⁹⁹ систему начал всеобщего положительного права, изъясняя не токмо положительную юриспруденцию во всем ее пространстве внятным и полезным толкованием, но показывая притом своим слушателям сравнение и различие всех чужестранных гражданских законов, а особливо тех государств, которые с Россиею состоят в некоторой коннекции, таким образом, чтоб его слушатели через то предуготовлены были к предварительному правильному познанию прав своего отечества. А дабы время определенных на лекции часов не проходило втуне, то имеет он удерживаться от всякого излишнего диктования, но наипаче подавать учащимся основательное наставление в приличных лекциям ево наукам остроумным, а притом легким и понятным разговором, которому, как обыкновенно, должно быть на латинском языке»¹⁰⁰.

⁹⁴ В третьем пункте контракта уточнялось, как должно применять «Неттельблаттово руководство» в преподавании начал всеобщего положительного права. «А понеже все, что относится единственно к состоянию немецкой империи и следственно до его лекций не принадлежит, должно из оногю автора как ненужное исключено быть: то обязуется помянутой профессор в каждой учебной

год, в силу апробированного о университете Проекта 10 пункта не только окончить курс своих лекций по означенному Неттельблаттову руководству, но и в военном, морском и вексельном правах подать наставление, которое бесспорно должно почитать за части общего положительного права, для усмотрения ж, какие его слушатели будут иметь успехи, делать с оными по востребованию кураторскому экзамены»¹⁰¹.

⁹⁵ В шестом пункте контракта говорилось, что «не меньшее же обещает он г-н проф. Дильтей своим нынешним поведением и поступками подавать доброй пример обучающемуся при университете юношеству, чина своего никаким образом не делать презрительным, честь и пользу университета при всяком случае наблюдать <...> ибо худой пример при воспитании юношества неизбежной вред приносит и никогда извинен и оправдан быть не может»¹⁰².

⁹⁶ Датой возобновления чтения лекций Дильтеем в Московском университете куратор Адодуров определил день 13 апреля 1766 г.¹⁰³ Факты показывают, что после восстановления в должности профессора Московского университета профессор Дильтей заметно изменил свое отношение к преподаванию юридических наук. Он стал уделять в своих лекциях русскому праву значительно больше внимания, нежели прежде.

⁹⁷ Так, он потребовал у Конференции закупить для своих лекций на юридическом факультете тексты российских законодательных актов: вексельного, морского и воинского уставов. И Конференция отдала 1 мая 1766 г. распоряжение сделать это¹⁰⁴. На заседании Конференции, состоявшемся 20 мая 1766 г., профессор Дильтей повторил свое требование о покупке вышеуказанных книг и кроме того, попросил, чтобы в дополнение к ним была приобретена «книга законов, в просторечии называемая Уложение, а также Указы от 30 января и 10 марта, относящиеся к вексельному праву»¹⁰⁵. Дильтей имел в виду Указ от 30 января 1766 г. «О наказании за сочинение фальшивых векселей»¹⁰⁶ и Указ от 10 марта 1766 г., предусматривавший уничтожение карточных долгов и выданных по ним векселей¹⁰⁷.

⁹⁸ 12 августа 1766 г. профессор Ф. Г. Дильтей обратился в Конференцию с просьбой, чтобы все российские узаконения, присланные в канцелярию университета, а также те, которые впредь присылаться будут, передавались, в оригинале или в заверенной копии, в Конференцию. Обосновывая эту свою просьбу, он пояснил, что «необходимо должно знать законы, а особливо юриспрудентам, которые преподавать оные должны, притом из узаконения государя императора Петра Великого знание законов и от иностранных также требуется»¹⁰⁸. Из этих фактов видно, что после восстановления профессора Дильтея в должности ординарного профессора Московского университета в преподавании правовых наук на юридическом факультете произошли серьезные перемены к лучшему. Российское законодательство стало одним из основных предметов изучения студентами-юристами.

⁹⁹ Каталог лекций в Московском университете на 1766 г. показывает, что профессор Дильтей читал в указанном году систему всеобщей положительной юриспруденции по Неттельблатту с изложением права морского и военного¹⁰⁹.

Каталоги лекций на 1773/1774 и 1775/1776 учебные годы демонстрируют, что помимо курса всеобщей положительной юриспруденции Дильтей преподавал элементы истории русского законодательства. С 1777 г. он стал преподавать также и вексельное право. По некоторым данным, в 1771—1778 гг. профессор Дильтей читал студентам университета «книги пандектов, содержащие уголовное право применительно к русским законам»¹¹⁰.

¹⁰⁰ В июле 1767 г. в Москву возвратились из Шотландии посланные в Глазговский университет на учебу в 1761 г. Семен Ефимович Десницкий и Иван Андреевич Третьяков. За шесть лет пребывания в Глазго они в совершенстве освоили английский язык, прошли курс обучения философским и юридическим наукам, получили в Глазговском университете степени магистра свободных наук и доктора права. 23 июля куратор Московского университета В. Е. Адодуров издал приказ «о произведении экзамена в Конференции возвратившимся на родину докторам юриспруденции Десницкому и Третьякову». При этом он распорядился «экзаменовав, определить их к чтению лекций, к каким они способны будут, а оные лекции иметь им на латинском языке, равно как и прочие господа профессора оные имеют, дабы не токмо они в том языке час от часу большую могли получить способность, но и прочие б господа профессора удобнее о пользе и исправности оных рассуждать могли»¹¹¹.

¹⁰¹ 13 августа 1767 г. Десницкий и Третьяков подтвердили высокий уровень своих познаний на экзамене, состоявшемся на экстраординарной Конференции. После этого им было назначено на 17 августа чтение пробных публичных лекций.

¹⁰² Профессора юридического факультета Ф. Г. Дильтей и К. Г. Лангер высоко оценили знания и способности молодых русских докторов права, показанные ими во время экзамена и при чтении пробных лекций. По мнению Дильтея, «они представили столь исчерпывающие доказательства, и устные, и письменные, своего знания в юриспруденции, что и тот и другой должны быть признаны достойными определения, согласно ордеру его превосходительства г. куратора нашего, на юридический факультет для преподавания публичных лекций, тем более что они привезли с собой докторские степени, полученные установленным порядком в Глазговском университете...»¹¹².

¹⁰³ В результате было принято решение о допуске Десницкого и Третьякова к преподаванию на юридическом факультете Московского университета. 8 мая 1768 г. куратор Адодуров распорядился своим ордером произвести докторов юриспруденции Третьякова и Десницкого, «в рассуждении их порядочного и с успехом своих должностей отправления», экстраординарными профессорами¹¹³.

¹⁰⁴ Филипп Генрих Дильтей преподавал после этого события, весьма знаменательного для русской научной юриспруденции, еще тринадцать лет. Это был самый плодотворный период в его научной, литературной, публицистической и преподавательской деятельности.

¹⁰⁵ Весной 1781 г. Ф. Г. Дильтей ушел в отставку по собственному прошению из-за болезни. А 12 ноября того же года первый профессор юридического факультета Императорского Московского университета скончался.

106 О семейной жизни Ф. Г. Дильтея сохранились лишь весьма скудные сведения. Известно, что у него было две дочери: Елизавета и Александра. Елизавета Дильтей стала переводчицей с французского на русский язык. На титульном листе третьей части шестого тома составленного ее отцом «Детского атласа» можно прочитать: «Детский атлас о Америке, собранный из Географии Гибнеровой Филиппом Генрихом Дилтеем, обоих прав доктором и профессором публичным юриспруденции и истории, переведенный под руководством того же проф[ессора] с французского на российский язык Елисаветою Дилтей, старшею его дочерью». О младшей дочери дал заметку в своей «Истории Императорского Московского университета» С. П. Шевырев. «До нового устава, — писал он, — пенсии производились не в силу постановлений, а по ордерам прежних кураторов, и выдача их продолжалась до 1809 года. Вдовы и дети наставников получали их, и в том числе дочь профессора Дильтея Александра, с 1795 года»¹¹⁴.

107

* * *

Филипп Генрих Дильтей жил в то время, когда ученые-энциклопедисты — интеллектуалы в самом широком смысле этого слова — были довольно распространенным явлением в европейском обществе. Первый профессор права и истории Московского университета имел широкое образование: он изучал и занимался не только юриспруденцией, но и философией, историей, географией, литературой, писал оды на латинском языке.

108

Вместе с тем он был просветителем по складу своего ума и характера. За четверть века своей жизни в России выпустил целую серию книг по всеобщей истории и по географии для молодых людей, желающих учиться.

109

В 1762, 1763 и 1768 гг. были напечатаны с параллельными текстами на русском и французском языках и с посвящением цесаревичу Павлу Петровичу три части его учебной книги «Первые основания универсальной истории с сокращенною хронологию в пользу обучающегося российского дворянства».

110

В 1768, 1769 и 1770 гг. были изданы также с параллельными текстами на русском и французском языках три тома его учебного пособия «Детской атлас, или Новой удобной и доказательной способ к учению географии». Четвертый том этого издания вышел в 1771 г. под названием «Детской атлас о Российской империи с толкованием гербов и с родословием царствующему дому». Первая часть пятого тома, напечатанного в 1775 г., называлась «Детской атлас о Прусском и Польском королевствах и с толкованием гербов и с родословием царствующих домов». Появившаяся в том же году вторая часть пятого тома имела наименование «Детской атлас о Венгрии и Турции Европейской с толкованием гербов и с родословием царствующих домов». В 1777 г. были напечатаны две части заключительного, шестого тома этого издания: «Детской атлас о Азии с толкованием гербов и с родословием некоторых царствующих домов» и «Детской атлас о Африке, собранный из географии Гибнеровой». В 1778 г. — «Детский атлас об Америке».

111

Пребывая в России, Ф. Г. Дильтей изучал не только русское законодательство, но и политическую историю, литературу и географию. В 1771 г. в Москве вышел в свет его «Опыт российской географии с толкованием гербов и с

родословием царствующему дому, собранный из разных авторов и манускриптов». Почти половину этого труда занимала глава под названием «О замечательностях в России», в которой рассказывается о древней русской истории, о русском законодательстве и литературе. В книге было напечатано много императорских указов об основании городов, их наименовании, о губерниях, о Запорожской Сечи и так далее.

¹¹² О некоторых чертах характера Ф. Г. Дильтея можно судить по его предисловию к этому сочинению, изданному с параллельными текстами на французском и русском языках. «Я прошу всех тех, которые сию книгу со вниманием читать будут, — обращался он к читателям, — дабы благоволили сделать свои примечания в рассуждении недостатков, кои в оной имеют быть; пропущенные вещи, есть ли сообщится мне, будут вмещены, и показанные ошибки во втором издании будут исправлены. С намерением, чтоб издать географическую книгу о России, меньше имеющую недостатков, нежели прочие, я прошу у всех вспоможения. Отвращение имею от несправедливой критики, которая угрызает писателей; но почитаю справедливую, которая людей просвещает: несправедливая только взирает на погрешности других без всякого впрочем наставления; а справедливая просвещает читателей снисходя погрешностям; несправедливая критика нападает на особы, не стараясь о исправлении недостатков, а справедливая взирает токмо на погрешности, не повреждая честь особ»¹¹⁵.

¹¹³ Последняя книга Ф. Г. Дильтея, вышедшая в год его кончины, была посвящена географии именно России. Это была первая часть задуманной им серии книг под общим заголовком: «Собрание нужных вещей для сочинения новой географии о Российской империи». Называлась она «Топография Тульского наместничества». Любопытно, что ее переводчиком на русский язык с французского стал ротмистр Ростовского карабинерного полка Иван Борисович фон Пестель, будущий сенатор и Сибирский генерал-губернатор¹¹⁶, а еще отец одного из руководителей Южного общества декабристов Павла Ивановича Пестеля — пожалуй, самого опасного для императора Николая I человека.

¹¹⁴ Из юридических произведений Ф. Г. Дильтея наибольшее значение имел составленный им для студентов Московского университета учебник по вексельному праву. В 1766 и 1768 гг. он был издан на латинском языке¹¹⁷, но затем его перевели на русский язык студенты юридического факультета Иван Борзов и Алексей Артемьев «под смотрением доктора Десницкого». Вышел данный труд приблизительно в 1770 г., хотя на титульном листе стоит дата 1768 г.¹¹⁸, под названием «Начальные основания вексельного права для употребления в юридическом факультете Московском по удобнейшему способу расположенные Филиппом Генриком Дильтеем, обоих прав Доктором, оных же и истории в Императорском Московском университете». Впоследствии данный учебник переиздавался пять раз (в 1772, 1781, 1787, 1894 и 1801 гг.). По словам Г. Ф. Шершеневича, «книга эта свидетельствует о несомненном и подробном знакомстве Дильтея с этой частью русского законодательства»¹¹⁹. Экстраординарный профессор Андрей Петрович Рогов преподавал курс вексельного права по книге Дильтея с 1806 г. до своей смерти в 1811 г.

115 Известно, что русские купцы проявляли к труду Ф. Г. Дильтея «Начальные основания вексельного права...» повышенный интерес. По словам Ф. Л. Морошкина, данный трактат был столь удивительным для тогдашнего времени, что «класс деловых людей, увлекшись порядком и полнотой изложения, принял его за руководство в практике и нередко забывал видеть в нем произведение частного человека»¹²⁰.

116 Справедливости ради следует отметить, что успех «Начальных оснований вексельного права...» во многом обеспечил С. Е. Десницкий, «который при подготовке новых изданий вносил в них дополнения, обусловленные изменениями русского вексельного законодательства»¹²¹.

117 В «Предуведомлении» к своему знаменитому учебнику Филипп Генрих Дильтей сделал признание, которое свидетельствует о том, что он лично ходил по российским канцеляриям в поисках необходимых законодательных актов. «Если кто усмотрит, что в сем моем сочинении многие российские указы, к вексельному праву принадлежащие, мною пропущены, — писал он, — такого прошу извинить мое в сем непрепобедимом затруднении незнание. Ибо скрывать законы как некоторую тайну есть обыкновение канцелярий российских, не говорю всех, но некоторых, как то я уже и сам довольно опытом дознал»¹²².

118 Среди других юридических произведений Ф. Г. Дильтея особого внимания заслуживает опубликованная в Москве в 1779 г. на латинском¹²³ и русском языках книга, которая в сокращенном названии была представлена как «Исследование юридическое о принадлежащем для суда месте, о судебной власти, о должности судейской, о челобитной и доказательстве судебном»¹²⁴. Автор предпринял в ней попытку изложить на основе принципов естественного и римского права общетеоретические основы ряда процессуально-правовых институтов. При этом свои теоретические рассуждения он дополнил извлечениями из русских законов.

119 В данном исследовании говорилось не только о гражданском, но одновременно и об уголовном судопроизводстве в Российской империи. При этом автор проводил между этими двумя типами судебного процесса достаточно четкое различие. «Судья должен, — писал Ф. Г. Дильтей, — как частное, так и решительное определение чинить по законам, уставам и обыкновениям на ту сторону, которая больше права имеет или больше вероятности. Почему сие предложение: почитаю за правильное, что судья может судить по мнению меньше вероятному, не без причины от Иннокентия XI было опровергнуто. Противопологается; так, по крайней мере, судья может судить по мнению равно вероятному и в равном праве присуживать, кому хочет: на то ответствую с отрицанием приведенного умствования; ибо судья не самовластный в спорных делах, и потому естли с обеих сторон равная вероятность и равное право явится, то не может спорную вещь одному присудить без несправедливого лицеприемства; но он должен для воздаяния равного права спорную вещь делить, и каждому часть свою определять, или примирять тяжущихся, или советовать им третейский суд, или отдавать по жребии, если вещь будет неделимая. Инако бывает в уголовных делах, в которых ежели ответчик имеет равную вероятность, или и меньше на свою сторону, то однако ж право на сторону его больше склоняется, нежели на

сторону доносителя, понеже лучше есть виноватого отпустить без наказания, нежели невиноватого осуждать, в чем и российское право во всем согласно»¹²⁵.

¹²⁰ Название книги довольно точно отражало ее содержание: в ней действительно шла речь о «принадлежащем для суда месте», то есть о сущности суда и его видах (глава 1)¹²⁶, о судейской власти (глава 2)¹²⁷ и судейской должности (глава 3)¹²⁸, о челобитной (глава 4)¹²⁹ и юридических (судебных) доказательствах (глава 5)¹³⁰. И все это на самом деле излагалось на основе действовавших в то время российских узаконений. Вместе с тем при рассмотрении такой разновидности доказательств, как поединок, Дильтей ссылался на Судебник царя Иоанна Васильевича «с умнейшими примечаниями господина Татищева». Кроме того, он приводил мнения известных западноевропейских правоведов — Бартола, Альциата, Куяция, Цазия, Неттельбладта, соглашался или спорил с ними. Наконец, Дильтей опирался в своем исследовании суда на широкий круг исторических фактов. В результате ему удалось создать весьма содержательный и интересный трактат, являвшийся по методологии одновременно догматическим, историческим и философским произведением, а по стилю изложения — сочинением и научным, и публицистическим.

¹²¹ Описывая судебную власть, функции и обязанности судей, Ф. Г. Дильтей не ограничивался изложением норм законодательства, но старался показать и высокое общественное значение этой профессии. Один из параграфов третьей главы, посвященной судейской должности, он специально отводит «знатнейшим доброго судьи качествам». «Ничего я здесь не упомяну, — писал в нем Дильтей, — о судье развращенном, святость законов безумно презирающем, к государю и всему обществу бессовестном, услаждающемся горькими утесненными слезами, бесчеловечно и от крови бедных тучнеющем: но до доброго судьи, старающегося быть справедливым и правосудным, коснусь здесь кратким знатнейших его качеств изъяснением.

¹²² Добрый судья, который есть или самый государь, наместник на земли Божий, или от государя учрежденный, должен ясно и подробно знать все законы, или, по крайней мере, к суду своему особенно принадлежащие, дабы мог употреблять оные в делах случающихся; он должен быть проницателен для исследования самой точности дела, к которому он законы приводить обязан, ибо часто от самого малейшего обстоятельства все дело переменяется.

¹²³ Добрый судья должен быть слеп в рассуждении судимых лиц, ибо в суде никакого лицепрятия иметь не надобно; что уже и самая отдаленная древность признавала, как то читаем о славном в Греции Ареопаге, где судьи всегда собирались ночью и все судопроизводства отправляли в темноте, для того дабы им не тронуться жалким взглядом и неблагоприятным милосердием к судимым; им с почтением предлагаемы были одни только дела без имен просителей, для того, чтоб они, увидав имя истца или ответчика, от правды не отступали и решения по милости или по ненависти не делали.

¹²⁴ Но вместе должен он быть и стоглазым АРГУСОМ, ежели постоянное имеет желание каждому воздавать свое право, дабы не воспрепятствовал кто, как

правому его благорассмотрению, так и правосудию, которые две вещи суть единственный предмет доброго судьи.

¹²⁵   Добрый судья должен быть глух, чтобы не слушать никаких прошений за челобитчика или за ответчика, ибо он по должности своей наблюдать правосудие обязан: да просящий за челобитчика, или за ответчика причиняет обиду судье довольно язвительную: ибо кто просит за имеющего справедливое дело, тот как бы ясными словами говорит судье: хотя известно мне, господин судья, что вы неправедны, что по взяткам судите и не доброхотствуете ищущим правосудия, однако прошу в сих, по крайней мере, обстоятельствах, касающихся до моего приятеля или приятельницы, пренебрегите все, и для меня будьте правосудны; просящий же за имеющего неправое дело, как бы следующее говорит: позвольте мне подкупить вас, прошу утеснить невинного для моего приятеля или клиента, опровергнуть правого и презреть правосудие; вам власть дана, пользуйтесь оною; судите в пользу моего приятеля, примите его в свою милость, и прочая. Однако добрый судья, будучи глух к сим прошениям, должен иметь и уши отверстые для обеих равно сторон, дабы по выслушании от каждого на свое дело доказательства рассуждать мог об оных; ибо в юриспруденции принято правило: *надлежит выслушать и другу сторону*. Которое столь необходимое есть, что никого, кто бы он ни был, и как бы ни известно было дело, не выслушав его защищения, осуждать не должно. Почему у многих народов обвиняемым в уголовных делах и адвокаты даются, которые бы ходатайствовали в суд за обвиняемых, и сколько возможно защищали бы оных. Но и здесь беречься надобно, чтобы судья, слушающий обеих сторон, не пленялся красноречием одного, язык изощренный имеющего, приятностью же слов уловляющего и не огорчался неприятным косноязычием другого, который хотя, может быть, лучшее право имеет, однако не одарен способностью изъясниться; ни грубостию какою-либо просящего, который и без умыслу может явиться неучтив, не все бо к учтивству рождены и воспитаны есьмы, ниже ежели кто умышленно непристойными словами огорчит судью, он должен от пути правосудия отступить, но он должен за умысел наказать виноватого, не повреждая дела, рассмотрению судебному подлежащего. Судья дело тяжebное разбирать должен по внутренним обстоятельствам, которые ни способом изъяснения, ни сродным неучтивством превращены и нарушены быть не должны.

¹²⁶   Добрый судья должен быть нем, дабы что в судах производится, не разглашал в народ и не подал чрез то случая к изысканию бесконечных волокит, пагубных для обеих сторон; должен быть нем, дабы он не сказывал тяжущимся ничего, кроме что касается до законов; ибо знать ему надобно, что он судья, а не адвокат. Нем должен быть, дабы не говорил за кого против правды: но вольный должен иметь язык к защищению оныя... Сверх сего нам кажется, что судья и безруким быть должен, естли Беркенмееру поверим, который в древностях своих так пишет: В Женевском придворном вышнем суде находится изображение, представляющее семь судей за столом сидящих, шесть без обеих рук, седьмой же, то есть председатель, с одною только рукою, которою держит весы правды. Под сим изображением находится надпись: для воздержания судей от всех взятков»¹³¹.

¹²⁷   Книга профессора Ф. Г. Дильтея «Исследование юридическое о принадлежащем для суда месте, о судебной власти, о должности судейской, о

челобитной и доказательстве судебном» представляла собой попытку осмыслить сущность основных институтов судоустройства и правил судопроизводства, отраженных в российском законодательстве. Она осталась единственным солидным научным трудом в этой области, изданным в России в течение XVIII столетия.

¹²⁸ В 1781 г. в Санкт-Петербурге в типографии Артиллерийского и Инженерного Шляхетского кадетского корпуса было напечатано сочинение Ф. Г. Дильтея «Диссертация о исследованиях юридических или о дедукциях судебных дел ou mémoires raisonnés, сочиненная в Московском Императорском университете от Филиппа Генрика Дилтея». Это была записка, в которой доказывалась необходимость допущения при разборе судебных дел докладов (*deductions juridicae*) опытных юристов о существовании данных дел и о применимых к ним законов.

¹²⁹ На ее титульном листе было дано самое полное обозначение тех званий, которые Дильтей носил перед своим уходом из жизни. Диссертация была представлена сочинением «обоих прав доктора, оных же и истории в Императорском Московском университете публичного и ординарного профессора, Маинской Академии полезных наук и разных других, как-то вольного Экономического и российского вольного же собрания членом, и присяжным адвокатом Консistorии Пассавской, что в Вене».

¹³⁰ Последнее из перечисленных званий автор данного сочинения носил в 1753—1755 гг., то есть непосредственно перед тем, как отправиться в Россию. Он почему-то решил показать все звания, которые когда-либо носил. Но самое главное его звание не было названо. Это звание он приобрел в России благодаря Московскому университету.

¹³¹ Филипп Генрих Дильтей был не просто профессором, он являлся ученым-просветителем и в этом своем качестве в высшей степени соответствовал первоначальному предназначению Московского университета.

Примечания:

1. М. Н. Капустин в биографической статье о нем, опубликованной к 100-летию юбилею Московского университета, отмечал: «В течение 10 лет в Дильтее сосредоточивался весь юридический факультет Московского университета, а потому его деятельности, учебная и ученая, заслуживают особого внимания». См.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета, за истекающее столетие со дня учреждения, января 12-го 1755 года, по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенный по азбучному порядку. Часть 1. М., 1855. С. 301—302. На самом деле Филипп Генрих являлся единственным преподавателем юридического факультета, но длился этот период 7 лет и 9 с половиной месяцев — с 1 октября 1756 г. и до середины августа 1764 г.

2. Согласно § 5 «Проекта об учреждении Московского Университета» в юридическом факультете должны были состоять три профессора: «1) Профессор всей юриспруденции, который учить должен натуральные и народные права и узаконения Римской древней и новой империи. 2) Профессор юриспруденции Российской, который сверх вышесказанных должен знать и обучать особливо внутренние государственные права. 3) Профессор политики, который должен показывать взаимные поведения, союзы и поступки государств и государей между собою, как были в прошедшие века и как состоят в нынешнее время». См.: Высочайше утвержденный проект об учреждении Московского университета. 12 января 1755 г. // 1-ПСЗРИ. Т. 14. № 10346. С. 289.

3. В настоящее время городок Ширштейн / Ширштайн (около 10 000 жителей) составляет юго-западный район города Висбадена, столицы земли Гессен Федеративной республики Германия.

4. Архиепископом-курфюрстом Майнцским с 1694 до 1729 гг. являлся Лотар Франц фон Шёнборн.

5. Шевырев С. П. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. М., 1855. С. 33.
6. Заметим только, что в той местности, где родился будущий профессор Московского университета, данная фамилия была весьма распространенной. Так, членом Нассау-Дилленбургского правительственного и высшего консисториального совета в 1720—1750-е гг. являлся Иоганн Филипп Дильтей (Johann Philipp Dilthey), бывший юристом по профессии. Известно, что в 1716 г. он выдержал университетский инаугурационный юридический диспут (Disputatio juridica) pro licentia по теме «Обжалование по уголовным делам (De appellatione In causis Criminalibus)» для получения права заниматься юридической деятельностью. Он жил в 1693—1757 гг. и вполне мог быть отцом Филиппа Генриха Дильтея, однако в списке его сыновей нет того Дильтея, который стал профессором Московского университета. См.: Коерп L. Die Familie Dilthey. Allen ihren Mitgliedern zu geeignet. Wiesbaden, 1906.
7. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета, за истекающее столетие со дня учреждения, января 12-го 1755 года, по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенный по азбучному порядку. Часть I. М., 1855. С. 301.
8. Так, Ю. П. Зарецкий пишет о Ф. Г. Дильтее: «В Страсбургском университете он защитил диссертацию на тему “О завладении имением за давностью” (De usurpationibus et usucapionibus), став 22 августа 1753 года “доктором обоих прав”». См.: Зарецкий Ю. П. Как профессор Дильтей отстаивал свою правду. Случай из истории Московского университета в первые годы его существования. М., 2014. С. 6.
9. О том, что Ф. Г. Дильтей представил свою «полемическую инаугурационную диссертацию» для защиты именно в Инсбрукский университет, показывает сайт Universität Innsbruck, где указано, что Dilthey Philipp Heinrich защитил в 1753 г. «Dissertatio inauguralis polemica ex digestis desumpta in titulum 3 libri 41 de usurpationibus et usucapionibus» и обозначено место защиты (Ort) — город Innsbruck. См.: Universität Innsbruck. [Электронный ресурс]. URL: [>>>](#) (дата обращения: 18.02.2024).
10. “Jus naturae stat in lege Dei necessaria per lumen recta rationis promulgata?” См.: Dilthey Ph. H. Dissertatio Inauguralis Polemica, Ex Digestis desumpta in Titulum 3. Lib. 41. De Usurpationibus Et Usucapionibus... Oeniponti [Innsbruck], [1753]. Страницы, на которых изложены данные положения, не обозначены номерами, они следуют за основным текстом диссертации, охватывающим 16 страниц.
11. “Lege Dei necessaria, per lumen rationis promulgata, éstque hoc solùm jus natura propriè sumptum”. См.: Biner J. Apparatus eruditionis ad jurisprudentiam praesertim ecclesiasticam. Pars I, II & III. Oeniponti [Innsbruck], 1747. P. 183.
12. “Jus gentium est convention libera per pactum tacitum diuturnis moribus introducta”. См.: Dilthey Ph. H. Dissertatio Inauguralis Polemica... [Innsbruck], [1753].
13. “Strictè sumptum est conventio libera gentium per pactum tacitum diuturnis moribus introducta”. См.: Biner J. Apparatus eruditionis ad jurisprudentiam praesertim ecclesiasticam. Pars I, II & III. Oeniponti [Innsbruck], 1747. P. 225.
14. “Author et Defendens Philippus Henricus Dilthey Shersteinensis Rhingavus, AA. LL. Et Philosophiæ Magister”.
15. Positiones ex universo jure decertae // Dilthey Ph. H. Dissertatio Inauguralis Polemica, Ex Digestis desumpta in Titulum 3. Lib. 41. De Usurpationibus Et Usucapionibus... Oeniponti [Innsbruck], [1753]. Страницы, на которых изложены данные положения, не обозначены номерами.
16. История Московского университета (вторая половина XVIII — начало XIX века). Сборник документов. Т. 2. 1756. М., 2011. С. 229—230.
17. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета, за истекающее столетие со дня учреждения, января 12-го 1755 года, по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенный по азбучному порядку. Часть I. М., 1855. С. 301.
18. Панегирик о прерогативах и правах от торжественного коронования происходящих в высочайший день коронации ее императорского величества Елисаветы Петровны самодержецы всероссийской, говоренный в университетской аудитории Филиппом Генриком Дилтеем, обеих прав доктором, Курфишеской Могунтинской академии полезных наук членом, прав и истории профессором, обоих Московских гимназий инспектором на латинском языке. Апреля 26 дня 1757 года. Переведен магистром Сергеем Поповым. Печатано при Императорском Московском университете [М., 1757]. Название «Могунтинская» происходит от латинского слова кельтского происхождения Mogontiacum, которым первоначально назывался город Майнц, возникший на берегу Рейна еще в I веке н.э. на месте базового лагеря римских легионов.
19. Им был Иоганн Фридрих фон Остейн, занимавший эту должность в 1743—1763 гг.
20. *Donnert E.* Philipp Heinrich Dilthey (1723—1781) und sein Bildungsplan für Rußland vom Jahre 1764 // Österreichische Osthefte: Mitteilungsorgan des Österreichischen Ost und Südosteuropainstituts. 1989. Bd. 31. S. 205.
21. А. Ф. Бюшинг был хорошо известен русским интеллектуалам своими книгами. С 1763-го по 1778 гг. в переводе на русский язык вышло 12 его произведений, в том числе и о географии Российского государства. См., например: Д. Антона Фридерика Бюшинга из сокращенной его географии три главы о географии вообще, о Европе и о Российской империи / пер. с немецкого на русский язык Иваном Долинским. М., 1766.

22. Geographie, Geschichte und Bildungswesen in Russland und Deutschland im 18. Jahrhundert: Briefwechsel Anton Friedrich Büsching — Gerhard Friedrich Müller 1751 bis 1783 / hrsg. Von Peter Hoffmann. Berlin, 1995 (Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas; Bd. 33).

23. Пекарский П. П. История императорской Академии наук в Петербурге. Т. 1. СПб., 1870. С. 369.

24. Büsching an Müller Göttingen. 1. Februar 1756 // Geographie, Geschichte und Bildungswesen in Russland und Deutschland im 18. Jahrhundert: Briefwechsel Anton Friedrich Büsching — Gerhard Friedrich Müller 1751 bis 1783. S. 71.

25. “Es reisete nämlich ein junger Graf von Khevenhüller hierdurch, der zum Geleitsmann einen Doktor der Rechtsgelehrsamkeit Namens Dilthey hatte, welcher ein weitläufig gereister und geschickter Mann katholischer Religion, aber nichts weniger als ein Sektierer, hingegen ein redlicher Mann ist. Er verläßt den Grafen Khevenhüller in ein paar Monaten, und wird alsdann wieder zu Wien sein, um daselbst auf Beförderung zu einem Professorat zu warten. Er ist gedachtermaßen eigentlich ein Jurist, kann aber auch das Recht der Natur und die Geschichte lehren. Außerdem spricht und schreibt er gutes Latein und Griechisch, ist der französischen und italienischen Sprache im Schreiben und Sprechen mächtig, versteht auch englisch und etwas slavonisch, der deutschen Sprache, die seine Muttersprache ist, nicht zu gedenken... Er ist vor ein paar Jahren zu Wien aus 24 Personen nebst 3 andern zu einem juristischen Professorat vorgeschlagen worden, aber damals nicht dazu gekommen. Er ist übrigens ungefähr 34 Jahre alt und verheiratet. Weil er noch kein öffentliches Amt hat und in Frankreich, Italien und andern Ländern gewesen ist, auch so viele Sprachen versteht und redet, so frug ich ihn, ob er nicht Lust habe, nach Petersburg zu gehen? er antwortete, wenn er unter einem erheblichen Gehalt als Professor entweder an die Universität oder an das Kadettenkorps berufen würde, so wäre er wohl geneigt dazu”. См.: Ibid.

26. “Außer seiner Inaugural-Disp[utation] hat er auch vor Monat eine im Namen des jungen Grafen von Khevenhüller geschrieben, welche de rege Romanorum handelt und in hiesigen Anzeigen ehestens rezensiert werden wird”. См.: Ibid.

27. Старинное латинское название Эрфуртского университета обозначалось словом “Hierana”, происходившим от имени реки Нiera (Гера), пересекающей город. Университетские здания располагались на обоих берегах данной реки. Поэтому университет обозначался термином, означавшим «то, что находится на реке Гера».

28. *Dissertatio iuris publici De eligendo Romanorum rege, quam sub Præsidio Altissimi Annuente Illustri Facultate juridica una cum Annexis Positionibus in Alma et Perantiqua Hierana publice propugnandam suscepit Franciscus Antonius S. R. I. Comes de Khevenhuller ab Aichelberg, Sacrae Caesareae Regiaeque Majestatis Camerarius, Supremusque per Carinthiam Stabuli Praefectus Haereditarius, nec non Academiae Electoralis Scientiarum Utilium Membrum Honorarium, in auditorio coelico horis consuetis D. XXVI. Jan. MDCCLVI.*

29. Göttingische Anzeigen von gelehrten Sachen unter der Aufsicht der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften. Der erste Band auf das Jahr 1756. Göttingen [1756]. S. 157—159.

30. “Diese wohlgeschriebene Academische Streitschrift, welche in dem abgewichenen Januarii Monath von dem Hochgebornen Herrn Verfasser ohne Beistand vertheidiget worden, theilet sich in 6 Abschnitte, davon der erste den eigentlichen Begriff des Worts eines Römischen Königs bestimmet...”. См.: Ibid. P. 157.

31. “Der Hochgebornen Herrn Verfasser beweiset durch diese wohl geschriebene Abhandlung, die man Schwerlich für eine Arbeit eines Junglings von 19 Jahren ertennen sollte, wie viel ausnehmendes by einem reiferen Alter sich das Vaterland von ihm mit Recht zu versprechen habe”. См.: Ibid. P. 159.

32. Müller an Büsching. Petersburg, 20. Februar 1756 // Geographie, Geschichte und Bildungswesen in Russland und Deutschland im 18. Jahrhundert: Briefwechsel Anton Friedrich Büsching — Gerhard Friedrich Müller 1751 bis 1783. S. 72.

33. Ibid.

34. Так, историк Ю. П. Зарецкий, оценивая данный факт, задается вполне логичными вопросами: «Рекомендация, содержащая сведения о том, что Дильтей написал диссертацию “на заказ”, была воспринята куратором самым благожелательным образом и кандидат был зачислен в штат университета ординарным профессором. Что все это значит? Неужели речь идет о циничном обмане, соучастниками которого были такие важные и авторитетные в ученом мире персоны как Миллер и Бюшинг? А вместе с ними и основатель университета, высший государственный сановник и доверенное лицо императрицы? В это трудно поверить. Но тогда, как иначе можно истолковать эту историю?» См: Зарецкий Ю. П. Можно ли было купить «градус» доктора в XVIII веке? М., 2015. С. 12—13.

35. См.: *Dissertatio iuris publici De eligendo Romanorum rege, quam sub Præsidio Altissimi Annuente Illustri Facultate juridica una cum Annexis Positionibus in Alma et Perantiqua Hierana publice propugnandam suscepit Franciscus Antonius S. R. I. Comes de Khevenhuller ab Aichelberg. Erfordia, 1756. P. 77—78.* Эрцгерцог Иосиф, родившийся в 1741 г., взойдет на престол Священной Римской империи после смерти своего отца императора Франца I 18 августа 1765 г. и будет занимать его до своей кончины 20 февраля 1790 г.

36. “Sobald ich die Ehre hatte Dero angenehmstes Schreiben vom 20sten Febr. Zu erhalten, schrieb ich nach Wien an den Herrn Dr. Dilthey, und trug demselben den Ruf zu einer Professur] juris et hist[oriae] bei der Moskauischen Univeristät an, ich weiß aber [nicht], durch welchen unangenehmen Zufall derselbe meinen Brief erst am 10sten Mai in die Hände bekommen hat, worüber er sich selbst sehr wundert. Diese Unrichtigkeit ist indessen Schuld daran, daß ich meine schuldige Antwort an Ew. Hochedelgeb. erst heute absenden kann, nachdem ich gestern von dem Herrn Dilthey zur Antwort erhalten, daß er den Ruf annehmen wolle, und auf 5 Jahre sich vors erste zu verpflichten gedenke. Er hat seinen Brief an des Herrn Grafen von Schuwalow Exzellenz dem russisch-kaiserlichen Minister zu Wien zur Beförderung übergeben, und in

demselben hochgedachten Herrn Kammerherrn um Vermehrung des Reisegeldes geziemend bitten wollen, weil 150 Rubel zu einer so weiten Reise von Wien nach St. Petersburg und von da nach Moskau nicht zureichen würden. Er ist von Person und Umgang ganz angenehm, welches auch wegen seiner ungemein weitläufigen Reisen, die er getan hat, nicht anders sein kann. Ich zweifle also nicht, daß er gefallen werde". См.: Büsching und Müller. Göttingen, 19. Mai 1756 // Briefwechsel Anton Friedrich Büsching — Gerhard Friedrich Müller 1751 bis 1783. S. 73.

37. Müller an Büsching. Petersburg, 27 August 1756 // Briefwechsel Anton Friedrich Büsching — Gerhard Friedrich Müller 1751 bis 1783. S. 79.

38. «К сожалению, все отзывы о достоинстве преподавания Дильтея принадлежат Бюшингу, который, как двоюродный брат его, не может быть свидетелем беспристрастным». См.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета, за истекающее столетие со дня учреждения, января 12-го 1755 года, по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенный по азбучному порядку. Часть 1. М., 1855. С. 302.

39. Известно, что Филипп Генрих прибыл в Москву вместе с супругой, но о ее имени и происхождении не сохранилось сведений. 7 марта 1757 г. первая жена Дильтея умерла по причине тяжелой болезни. 22 апреля Г. Ф. Миллер сообщил А. Ф. Бюшингу: «Он потерял через смерть свою любимую жену». См.: Müller an Büsching. Petersburg, 22. April 1757 // Briefwechsel Anton Friedrich Büsching — Gerhard Friedrich Müller 1751 bis 1783. S. 89. А спустя год — 22 мая 1758 г. — Миллер писал своему геттингенскому другу: «От г[осподина] проф. Дильтея получил известие, что он снова женился. Он не пишет, на кого пал его выбор. Он хвастается своей молодой супружеской возлюбленной только тем, что она понимает по-французски, что совершил с ней сообща причащение Святых Тайн дело и что она решила поехать с ним в Германию по истечении срока его контракта». См.: Müller an Büsching. Petersburg, 22. Mai 1758 // Ibid. S. 92. 12 мая 1760 г. Миллер сообщил Бюшингу: «Г[осподин] Дильтей в своем последнем письме от 27 апреля пишет, что его молодая жена родила ему дочь». См.: Müller an Büsching. Petersburg, 12. Mai 1760 // Ibid. S. 136.

40. Приказом куратора Московского университета И. И. Шувалова от 16 февраля 1757 г. в состав Конференции были включены в дополнение к профессорам три ассессора университетской канцелярии.

41. См.: Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Том 1. 1756—1764. М., 1960. С. 27.

42. 1-ПСЗРИ. Т. 14. № 10346. С. 290.

43. Цит. по: Морошкин Ф. Л. Об участии Московского университета в образовании отечественной юриспруденции // Ученые записки Императорского Московского университета. 1834. Ч. 3. Февраль. № 8. С. 220.

44. Опыт успехов в естественном праве, которой под руководством Филиппа Генрика Дильтея обоих прав доктора, Курфиршеской Могунтинской Академии Наук члена, прав и истории профессора, окажут студенты Иван Алексиев и Матвей Елисеев ответствуя на вопросы и противные мнения, которыя предложены быть имеют от студентов же Семена Герасимова Сергея Малиновскаго Антония Котцаурека и Петра Ямпольскаго в университетской аудитории по утру декабря 17 дня. [М.]: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1756.

45. 1-ПСЗРИ. Т. 14. № 10346. С. 290.

46. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета, за истекающее столетие со дня учреждения, января 12-го 1755 года, по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенный по азбучному порядку. Часть 1. М., 1855. С. 302.

47. Theses du droit naturel qui monsieur Boris de Salticoff et monsieur de Besobrasoff soutiendrois le 6. mars a 10 heures de matin dans l'auditoire de l'Universite Impériale sous le direction de monsieur Philippe Henry Dilthey membre de l'Academie des Sciences utiles de Mayena docteur et professeur en droit de l'Universite Impériale de Moscou. [M], de l'imprimerie de l'Universite Impériale de Moscou, 1757.

48. Объявление, какие лекции и в которые дни и часы читаны быть имеют публично в Императорском Московском университете в последнюю половину сего 1757 года. М., 1757. С. 1.

49. Panegyricus de juribus et praerogativis ex coronatione solemnibus emenantibus ad pie recolenda ilia coronationis solemnibus qua invictissima atq. potentissima domina Elisabetha Petrovna omnium Russorum imperatrix et autocratrix imposito imperiali diademate orientis instar solis amplissimo et vastissimo huic Imperio refulsit, in publico Universitatis Moscoviensis auditorio die 26, April, dictus à Philippo Henrico Dilthey... Mosquae, typis Universitatis Caesariae, anno 1757.

50. Панегирик о прерогативах и правах от торжественного коронования происходящих в высочайших день коронации Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Елисавет Петровны, самодержицы Всероссийской, говоренный в Университетской аудитории Филиппом Генриком Дильтеем... на латинском языке, апреля 26 дня 1757 года. Пер. магистром Сергеем Поповым. М., 1757. С. 7.

51. Там же. С. 9—10.

52. Там же. С. 10. Ф. Г. Дильтей пересказал в данном случае следующую сентенцию из «Панегирика императору

Траяну» Плиния Младшего: «То, что я слышал сейчас впервые, о чем теперь только узнаю, — это то, что не принцепс выше законов, а закон выше принцепса».

53. Там же.

54. Там же. С. 9.

55. § 33 «Проекта о учреждении Московского университета» устанавливал: «Инспектором над гимназиею быть одному из профессоров в Университете, которому как учителя, так и учащиеся должны являть всякое почтение и послушание, и по его повелениям и распоряжкам, чинимым с апробациею Директора, непременно исполнять».

56. Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. 1. 1756—1764. М.: Издательство Московского университета, 1960. С. 129, 319.

57. Там же. С. 230—231.

58. История Московского университета (вторая половина XVIII — начало XIX века). Сборник документов: 1754—1804. В 5 т. // сост., авт. вступ. ст. и примеч. Д. Н. Костышин; отв. ред. Е. Е. Рычаловский. Т. 3. 1757. М.: Academia, 2014. С. 216—217.

59. В каталогах лекций, составлявшихся в западноевропейских университетах, было принято располагать профессоров в следующем порядке: 1) профессора богословского факультета, 2) профессора юридического факультета, 3) профессора медицинского факультета и 4) профессора философского факультета.

60. Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. 1. 1756—1764. М.: Издательство Московского университета, 1960. С. 128.

61. Там же. С. 130.

62. Büsching an Müller. Göttingen, 18. April 1759 // Briefwechsel Anton Friedrich Büsching — Gerhard Friedrich Müller 1751 bis 1783. S. 99.

63. Büsching an Müller. Göttingen, 26. August 1759 // Briefwechsel Anton Friedrich Büsching — Gerhard Friedrich Müller 1751 bis 1783. S. 103.

64. См.: Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. 1. 1756—1764. М.: Издательство Московского университета, 1960. С. 226.

65. Там же. С. 228.

66. См.: там же. С. 230.

67. План профессора Ф. Г. Дильтея 1764 года «О учреждении разных училищ для распространения наук и исправления нравов» // Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII—XIX веках / сост. С. В. Рождественский. СПб., 1910. С. 12.

68. Там же. С. 15—16.

69. Там же. С. 20. Дильтей назвал словом «Дербат» русский город Юрьев (впоследствии Дерпт, Дорпат), располагавшийся в Ливонии (в настоящее время в Эстонии).

70. Там же. С. 29.

71. Там же. С. 31.

72. Там же. С. 36—37.

73. Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. 1. 1756—1764. М.: Издательство Московского университета, 1960. С. 283.

74. Там же. С. 284.

75. Дильтей имел здесь в виду предусмотренного пятым параграфом «Проекта об учреждении Московского университета» профессора «всей юриспруденции, который учить должен натуральные и народные права и узаконения Римской древней и новой империи», профессора «юриспруденции российской, который сверх вышеписанных должен знать и обучать особливо внутренние государственные права» и профессора «политики, который должен показывать взаимные поведения, союзы и поступки государств и государей между собою, как были в прошедшие века и как состоят в нынешнее время».

76. Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. Т. 1. 1756—1764. М.: Издательство Московского университета, 1960. С. 285.

77. Там же.

78. Там же.

79. Там же.

80. Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. 2. 1765—1766. М., 1962. С. 182.

81. Цит. по: Зарецкий Ю. П. Можно ли было купить «градус» доктора в XVIII веке? М., 2015. С. 4.

82. Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. 2. М., 1962. С. 193.

83. Цит. по: Зарецкий Ю. П. Можно ли было купить «градус» доктора в XVIII веке? М., 2015. С. 5.

84. *Panegyricus quo augustissimae, potentissimae justissimaeque dominae dominae Catharinae II. imperatrici et autocratori totius Russiae etc. Patriae matri longe clementissimae recurrentem 28. Junii inchoati feliciter regiminis solemnitatem annuam devota mente gratulatur constitutus ad hoc orator Philippus Henricus Dilthey... disserens de vera ac gervina jurisprudential a falsa ac spuria merito distinguenda. Moscvae, typis Universitatis Caesareae Moscvensis, anno 1764.*

85. Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. 1. 1756—1764. М.: Издательство Московского университета, 1960. С. 333.

86. Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. 2. М.: Издательство Московского университета, 1962. С. 193.

87. В Российском государственном архиве древних актов сохранилось «Дело об отставке Ф. Г. Дильтея из Московского университета по настоянию В. Е. Адодурова. На рус. и фр. яз. Подлинники и копии». См.: РГАДА. Разряд 17. Оп. 1. Д. 42. Л. 1—21. Также см. изложение хода этого дела на основе архивных материалов в издании: Зарецкий Ю. П. Как профессор Дильтей отстоял свою правду. Случай из истории Московского университета в первые годы его существования. М., 2014.

88. Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. Т. 2. 1765—1766. М.: Издательство Московского университета, 1962. С. 180.

89. Так в оригинальном тексте.

90. Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. Т. 2. 1765—1766. М.: Издательство Московского университета, 1962. С. 180.

91. Там же. С. 181.

92. Там же. С. 181—182.

93. Там же. С. 192.

94. Несмотря на малое количество студентов Конференция Московского университета немедленно отчисляла тех из них, кто не показывал на экзаменах требуемого уровня знаний. Случаи отчислений неуспевающих студентов отражены во многих протоколах Конференции. Так, в протоколе заседания, состоявшегося 4 июля 1758 г., можно прочитать: «Конференция проэкзаменовала вчера 50 казеннокоштных дворян, из коих шестеро подлежат исключению». Далее называются имена данных студентов и указывались причины, по которым их необходимо было исключить — «ленив и неспособен» / «ленив и ни в чем не успевает» / «ленив и никакие наказания его не исправили». После этого отмечается: «Имеется восемь человек сомнительных, между ними несколько недавно поступивших в университет; их оставили на 4 месяца, после чего, если они успевают не будут, то должны быть также исключены» и приводится список таких студентов. В заключении же данной справки об экзаменах говорится: «Все остальные получили аттестаты о прилежании и многие о весьма хорошем поведении». См.: Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. Т. 1. 1756—1764. М.: Издательство Московского университета, 1960. С. 119.

95. Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. Т. 2. 1765—1766. М.: Издательство Московского университета, 1962. С. 311.

96. Там же. С. 237.

97. Там же. С. 245.

98. Там же. С. 313.

99. В данном случае имеется в виду немецкий правовед Даниэль Неттельбладт (Daniel Nettelbladt, 1719—1791), профессор права в Галльском университете (с 1775 г. — декан юридического факультета). Его учебник “*Systema elementare universae jurisprudentiae naturalis in usum praelectionum academicarum adornatum*”, появившийся в 1749 г., стал использоваться во многих европейских университетах для изучения естественного права. В 1770 г. он был напечатан в типографии Московского университета в переводе на русский язык под названием «Начальное основание всеобщей естественной юриспруденции, принаравленное к употреблению основания положительной юриспруденции».

100. Там же. С. 314.

101. Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. Т. 2. 1765—1766. М.: Издательство Московского университета, 1962. С. 314.
102. Там же.
103. Там же. С. 245.
104. Там же. С. 248.
105. Там же. С. 255.
106. См.: 1-ПСЗРИ. Т. 17. № 12561.
107. 1-ПСЗРИ. Т. 17. № 12593.
108. Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. Т. 2. 1765—1766. М.: Издательство Московского университета, 1962. С. 272.
109. Морошкин Ф. Л. Об участии Московского университета в образовании отечественной юриспруденции // Ученые записки Императорского Московского университета. 1834. Ч. 3. Февраль. № 8. С. 224.
110. Шевырев С. П. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. М.: б.и., 1855. С. 186.
111. Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. 3. 1767—1786. М., 1963. С. 51—52.
112. Дильтей Ф. Г. Донесение об экзамене и пробной лекции гг. докторов права Семена Десницкого и Ивана Третьякова // Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. Т. 3. 1767—1786. М., 1963. С. 84.
113. Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. Т. 3. С. 142.
114. Шевырев С. П. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. М.: б.и., 1855. С. 389.
115. Дильтей Ф. Г. Опыт российской географии с толкованием гербов и с родословием царствующему дому, собранный из разных авторов и манускриптов. М., 1771. Предисловие. [Здесь отсутствует нумерация страниц. — В. Т.].
116. О нем см.: Томсинов В. А. Светило российской бюрократии. Исторический портрет М. М. Сперанского. Издание 5-е, обновленное и дополненное. М., 2013. С. 320—323.
117. *Elementa juris cambialis in usum scholae juridicae moscvensis commoda methodo adornata a Philippo Henrico Dilthey V. J. D. eiusdemque et historiarum in Alma Elisabethana prof. P.O. Academiae Scientiarum Utilium Erfurtanae adscripto. Moscvae, typis Caesareae Moscvensis Universitatis, 1766.*
118. Скорей всего перевод пришлось исправлять, поэтому выход книги был задержан, а первоначальная дата ее издания осталась.
119. Шершеневич Г. Ф. Наука гражданского права в России. Казань, 1893. С. 5.
120. Морошкин Ф. Л. Об участии Московского университета в образовании отечественной юриспруденции // Ученые записки Императорского Московского университета. 1834. Ч. 3. Февраль. № 8. С. 221.
121. Грацианский П. С. Политическая правовая мысль России второй половины XVIII в. М., 1984. С. 155.
122. Дильтей Ф. Г. Начальные основания вексельного права для употребления в юридическом факультете Московском. М., 1768. Предуведомление.
123. *Tractatus iudicis de foro competenti, iurisdictione, officio iudicis, libello supplicis et probatione iuridica una cum regulamentis generali, et magistratus superioris, et instructionibus omnium magistratum, iudicii oralis, teloniorum antiqua et nova, collegii commerciorum, et trium classium mercatorum, nec non edictis omnibus in hanc rem pro probatione facientibus, aliisque rebus necessariis in usum Scholae Iuridicae Moscvensis conscriptus a Philippo Hendrico Dilthey... [M.], 1779.*
124. Это название автор привел после посвящения императрице Екатерине II и перед началом основного текста книги. Полное же ее название, напечатанное на титульном листе, было следующим: «Исследование юридическое о принадлежащем для суда месте, о судебной власти, о должности судейской, о челобитной и доказательстве судебном с Генеральным регламентом с Уставом Главного магистрата, и с инструкциями городских магистратов, словесного суда и гильдии, с Уставом таможенным старым и новым, с их конфирмациями и с инструкциею Коммерц-коллегии со всеми приличными везде указами, сочиненное в пользу учащихся юриспруденции в Московском императорском университете от Филиппа Гендриха Дильтея, обеих прав доктора, оных же и истории в императорском Московском университете публичного и ординарного профессора, Майнцской Академии полезных наук и разных других, как-то Вольного Экономического и Российского Вольного же собрания членом и присяжным

адвокатом Консистерии Пассанской, что в Вене. Печатано при императорском Московском университете, 1779 года».

125. Дильтей Ф. Г. Исследование юридическое о принадлежащем для суда месте, о судебной власти, о должности судейской, о челобитной и доказательстве судебном. М., 1779. С. 71, 73. На четных страницах этой книги напечатан ее латинский текст.

126. Там же. С. 3—49.

127. Там же. С. 49—65.

128. Там же. С. 65—95.

129. Там же. С. 95—131.

130. Там же. С. 131—209.

131. Там же. С. 91, 93, 95.

Библиография:

1. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета, за истекающее столетие со дня учреждения, января 12-го 1755 года, по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенный по азбучному порядку. Часть 1. М., 1855.

2. Дильтей Ф. Г. Исследование юридическое о принадлежащем для суда месте, о судебной власти, о должности судейской, о челобитной и доказательстве судебном. М., 1779.

3. Дильтей Ф. Г. Начальные основания вексельного права для употребления в юридическом факультете Московском. М., 1768.

4. Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. В 3 т. / под общ. ред. акад. М. Н. Тихомирова. Т. 1. 1756—1764. М.: Издательство Московского университета, 1960.

5. Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. В 3 т. / под общ. ред. акад. М. Н. Тихомирова. Т. 2. 1765—1766. М.: Издательство Московского университета, 1962.

6. Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. В 3 т. / под общ. ред. акад. М. Н. Тихомирова. Т. 3. 1767—1786. М.: Издательство Московского университета, 1963.

7. История Московского университета (вторая половина XVIII — начало XIX века). Сборник документов: 1754—1804. В 5 т. // сост., авт. вступ. ст. и примеч. Д. Н. Костышин; отв. ред. Е. Е. Рычаловский. Т. 2. 1756. М.: Academia, 2011.

8. История Московского университета (вторая половина XVIII — начало XIX века). Сборник документов: 1754—1804. В 5 т. // сост., авт. вступ. ст. и примеч. Д. Н. Костышин; отв. ред. Е. Е. Рычаловский. Т. 3. 1757. М.: Academia, 2014.

9. Морошкин Ф. Л. Об участии Московского университета в образовании отечественной юриспруденции // Ученые записки Императорского Московского университета. 1834. Ч. 3. Февраль. № 8. С. 205—255.
10. Панегирик о прерогативах и правах от торжественного коронавания происходящих в высочайший день коронации ее императорского величества Елисаветы Петровны самодержецы всероссийской, говоренный в университетской аудитории Филиппом Генриком Дилтеем, обеих прав доктором, Курфишеской Могунтинской академии полезных наук членом, прав и истории профессором, обоих Московских гимназий инспектором на латинском языке. Апреля 26 дня 1757 года. Переведен магистром Сергеем Поповым. М.: Печатано при Императорском Московском университете, 1757.
11. Шевырев С. П. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. М., 1855.
12. Dilthey Ph. H. *Dissertatio Inauguralis Polemica, Ex Digestis desumpta in Titulum 3. Lib. 41. De Usurpationibus Et Usucapionibus...* Innsbruck, 1753.
13. *Geographie, Geschichte und Bildungswesen in Russland und Deutschland im 18. Jahrhundert: Briefwechsel Anton Friedrich Büsching — Gerhard Friedrich Müller 1751 bis 1783* / hrsg. Von Peter Hoffmann. B.: Akademie Verlag, 1995.

Philipp Heinrich Dilthey (1723—1781), First Professor at the Faculty of Law of Moscow University

Vladimir Tomsinov

*Lomonosov Moscow State University
Russian Federation, Moscow*

Abstract

The article is based on documentary material and is devoted to the life and scientific activities of the first professor at the Faculty of Law of Moscow University, Ph. H. Dilthey. The Moscow University establishment project, approved by Empress Elizabeth Petrovna on January 12, 1755, provided for a plan for teaching sciences for all three faculties, including faculty of law. But it is obvious that the practical implementation of this plan depended on the teachers who had to be found and recruited to work at Moscow University. An appeal to Dilthey's personality, to his life and scientific work allows us to understand how Moscow University was actually created, its law faculty was formed and the university system of teaching law in Russia operated in practice. Using Dilthey's example, the article shows that the freedoms granted to Moscow University by the Project for its establishment and which formed the basis of the university autonomy were actually respected, teachers had appropriate legal guarantees (for example, against arbitrary dismissal), as well as all the necessary material conditions for teaching and scientific activities. Moscow University really acted from the very beginning not only as an educational institution, but also as an enlightenment center, and Dilthey conducted active enlightenment work. Dilthey's example shows that the program of teaching law prescribed by the Moscow University establishment project has been seriously adjusted in practice. Instead of three professors provided for by it, one Dilthey taught law. And already in the 60s of the XVIII century, Moscow University began to develop drafts of the university charter and new plans for teaching law. The article corrects a number of errors in the presentation of Ph. H. Dilthey's biography, which were made by his biographers. For example, it is usually claimed that Dilthey defended his doctoral thesis at the University of Vienna (other authors call the University of Strasbourg the place of defense) and that he was a professor at the University of Vienna. In fact, Dilthey defended not a doctoral dissertation, but a dissertation for the highest academic degree in both rights (*iuris utriusque pro suprema laurea*), and not at the University of Vienna, but at the University of Innsbruck. He was awarded his doctorate not for the text of this paper (only 32 pages in length), but according to the results of a discussion about the theses put forward by Dilthey and according to the results of a special examination for a doctoral degree. Based on the consideration of many documents and facts of teaching and scientific activities of the foreign teacher, the author of the article comes to the conclusion that Ph. H. Dilthey fully corresponded to the nature and mission of Moscow University.

Keywords: Russian Empire, 18th century, Imperial Moscow University, faculty of law, Russian jurisprudence, Ph. H. Dilthey

Publication date: 15.06.2024

Citation link:

Tomsinov V. Philipp Heinrich Dilthey (1723—1781), First Professor at the Faculty of Law of Moscow University // ISTORIYA. – 2024. – V. 15. – Issue 4 (138).

URL: <https://history.jes.su/s207987840030760-5-1/>. DOI: 10.18254/S207987840030760-5

Код пользователя: 34549; Дата выгрузки: 09.07.2024; URL - <http://history.jes.su/s207987840030760-5-1/> Все права защищены.